

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

НАРУЖНОЕ
НАБЛЮДЕНИЕ

ЭКОЛ КООРДИНАТО

**ЭКИПАЖ
КОМАНДА**

ПРОВЕРЕНО
ЧТЕНИЕМ!

**Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Наружное наблюдение:
Экипаж. Команда (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11293928

*Наружное наблюдение: Экипаж. Команда / Андрей Константинов при участии Евгения Вышенкова
и Игоря Шушарина: АСТ; Москва; 2008*

ISBN 978-5-17-054485-1, 978-5-9725-1135-8

Аннотация

Иван Лямин и Павел Козырев попадают служить в Оперативно поисковое управление Главка и в первый же месяц работы на их глазах происходит трагедия – убивают боевого товарища. Старший смены, бригадир Нестеров убежден: дело чести – найти убийцу. И экипаж «грузчиков» начинает жить двойной жизнью...

А когда врага удастся обнаружить, бригадиру предстоит решить: что станет итогом их работы – возмездие или справедливое наказание... Но в дело вмешивается Его Величество Случай...

Содержание

Экипаж	5
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Андрей Константинов, Евгений
Вышенков, Игорь Шушарин
Наружное наблюдение:
Экипаж. Команда (сборник)**

© А. Константинов, 2008

© ООО «Астрель-СПб», 2008

* * *

Экипаж

Пролог

Машина наряда ОВО¹ Василеостровского РУВД медленно (километров сорок в час, не больше) двигалась по улице Беринга. Если нет тревоги или вызова, ОВО всегда едут медленно – так удобней приглядываться к прохожим. А приглядываться нужно – это их хлеб. И в прямом, и в переносном смысле. На бежевой, выдавшей вида «шестерке» еще издалека был виден широкий бортовой номер – «12–13».

– Веталь, притормози, – попросил водителя сержант Саша. Водителем в наряде вторую неделю работал Виталий, после техникума сбежавший в милицию от армии.

– Торможу, – безразлично продублировал приказ Виталий. Время было раннее, утреннее, а потому предписанная должностными инструкциями бдительность пасовала перед однообразием смены, за которую даже гопники попадались редко. Один, правда, пытался укунить Сашу за лычку на погоне. Однако не сумел – получил в лоб термосом. И, пожалуй, за субботнюю смену это было самое интересное.

– Сергей Васильевич, – обратился к старшему Александр. – Стремно отсвечивает «девятка», а?

Сергей Васильевич был старшиной уже восемь лет. Он и пробудет в этом звании до самой пенсии, потому что свою службу он знал хорошо, а вот напрягаться и выслуживаться не любил и не собирался. Офицером стать не стремился – для удовлетворения личных амбиций ему вполне хватало собственной вотчины. Себя уважал. Молодых держал на расстоянии.

Все посмотрели налево. В переулке, задом к улице, стояла темно-синяя «девятка» с народом внутри. Двигатель не работал. Внутри сидели неподвижно.

– Для половины пятого странновато, – согласился Сергей Васильевич и, потянув к себе автомат, командовал: – Подрули осторожно.

Виталий подъехал к «девятке» и встал сбоку и чуть сзади, метрах в четырех. Двигатель ОВО никогда не выключают. Первым вышел Саша и встал вполоборота к старшине, ожидая команды. Тотчас сидевшие в машине парни нажали на дверные кнопки, что сделало невозможным открыть двери снаружи. Это серьезно насторожило Сергея Васильевича, и он начал выбираться с заднего сиденья, но потом вдруг махнул свободной от автомата рукой и сказал: «Все нормально! Уезжаем».

Когда старшина взгромоздился обратно, Виталий вопросительно обернулся к нему, а Саша удивленно глянул в полуоткрытое окно и спросил:

– Не понял, Василич?

– Уезжаем, я говорю, – повторил старшина.

– Чего случилось-то? Ты их знаешь, что ли? – не удовлетворился его ответом Саша.

– Никого я не знаю. Все о'кей... Нас здесь не ждали, – слегка раздражаясь, ответил старший наряда.

– Давай проверим! – не унимался Саша.

– Давай, проверь, Сашок, проверь, – ухмыльнулся Васильевич.

Саша кивнул Виталию, и они резво подошли к «девятке» с разных сторон. Внутри салона помимо водителя находились еще три человека. Они не шевелились. Почувствовав

¹ ОВО – отдел вневедомственной охраны.

неладное, Саша аккуратно вынул табельный ПМ и спрятал его за спину. Затем постучал в окно водителя. Окно приоткрылось.

– Утро доброе. Документики, пожалуйста.

В это время Виталий нагнулся с другой стороны и стал всматриваться в глубь салона. Странно, но двое на заднем сиденье головы к нему, что было бы естественным, не повернули. Обычно в подобной ситуации милиционерам приходилось видеть либо наглые, либо растерянные лица. Но сейчас их как будто бы просто не замечали.

– А в чем дело? – услышал Саша вопрос.

– Ни в чем. Формальность, – заученно ответил сержант.

– А у формальности есть основания? – последовал еще один вопрос.

– Найдутся, – огрызнулся Саша. Его это не раздражало, поскольку каждый третий в таких случаях пытался качать права. Однако он и не расслаблялся, охватывая взором всех сидящих.

– Вот когда найдутся, тогда и заходи, – нагло ответил водитель, которому навскидку было лет тридцать. Лицо красивое, не бандитское, не глупое.

– Выйдите из машины, – приказал сержант, чуть отойдя от двери водителя. – Произношу волшебное слово: ПО-ХО-РО-ШЕ-МУ!

– Зачем?

– Поговорить надо! – повысил голос Александр.

– Вас же двое. Вот и разговаривайте между собой.

Виталий распрямился, передернул затвор автомата и ткнул стволом в стекло с другой стороны: «Хорош базарить – на выход все!»

– Беспощадно стрелять будете? – несколько не испугавшись, ухмыльнулся водитель.

– Выходишь или нет?!! – зло сказал Саша и вынул пистолет из-за спины. – Смотри, сейчас окно потеряешь!

– Глянь на мандат, – услышал он в ответ. В чуть приоткрытое окно высунулась глянцева бумажка, которую водила достал из-под козырька.

Саша осторожно дотронулся до нее и прочитал: «СПЕЦТАЛОН». А далее: автомашина (марка такая-то, цвет – такой-то, номера – скользкие...) проверке и досмотру не подлежит. Подпись – начальник ГУВД... Гербовая печать... На талоне водяные государственные знаки.

– Хорошая бумага, как у Йогана Вайса!² – ахнул Саша и взглянул на Виталия: «Глянь, деревня!» Кстати, деревней он частенько называл и самого себя.

Офицер, засветивший сержантам «непроверяйку», понял, что парни – сопляки и им интересно, а потому суетиться не стал. Дал вчитаться.

– Извините, – Саша выпустил «непроверяйку» из рук. – А чего сразу не сказали?

– А ты «Когда деревья были большими» смотрел? – улыбнулся водитель.

– С Никулиным? Смотрел, – недоуменно кивнул Саша.

– Манера у нас такая... Ладно, пока. – Окно закрылось.

Саша и Виталий вернулись в свою «шестерку».

– Ну, и кто такие? – с нескрываемой иронией спросил Сергей Васильевич.

– Спецслужба какая-то! – с восторгом ответил Виталий.

– Угу!!! Я бы сказал – спецслужба агентов национальной безопасности! Жертвы сериалов! – вздохнул старшина. – Запомнили раз и навсегда: это НАРУЖКА!

– Какая норушка? – в один голос переспросили молодые милиционеры.

– Слушайте, бандерлоги, – добродушно объяснил Сергей Васильевич. – Не норушка в смысле мышь, а НАРУЖКА от слов «наружное наблюдение» ГУВД. Если официально,

² Йоган Вайс – советский разведчик, главный герой романа В. Кожевникова «Щит и меч». Саша, скорее всего, самого романа не читал, но зато смотрел одноименный телефильм, снятый режиссером В. Басовым.

то сотрудники оперативно-поискового управления ГУВД. То есть управления, которое в справочниках есть, а офицеров его почти никто не видит, и где они находятся, почти никто не знает. Расшифровывать словосочетание «наружное наблюдение», надеюсь, не нужно?

– Шпики, что ли? – сформулировал Виталий, прокручивая в голове внешности сидевших на заднем сиденье («а ведь один – совсем пацан, как я»).

– Можно сказать и так, только без котелков, как в кино, и извозчиков.

– А что они сразу не предъявились? – не унимался Саша, которого все-таки задело вежливое хамство представителей спецслужбы. (Кстати, физиономию водителя он запомнил. Чем-то она ему понравилась. Может быть, спокойной уверенностью?)

– Да скучно им. Да и визитная карточка у них такая: «А чо? – А ничо! Мы примуса починаем!» – ухмыльнулся старшина. – А потом, опера нас как называют?

– Цветные, – ответил уже ставший понемногу въезжать в милицейский сленг Виталий.

– Во-во. Мы, в свою очередь, гаишников за милицию не считаем. А наружка сторожится всех, даже оперативников. Они себя разведкой называют. В общем, у каждой службы – свои погребушки. А с этими лучше не связываться. Я сразу понял, когда увидел: «девятка» чистенькая, у заднего стекла сумки какие-то черные (там у них аппаратура, наверное)... Глаза, как у мертвецов, в нашу сторону не смотрят... антенка маленькая торчит... номера областные (у них этих номеров – как у нас в отделе пьяных и битых). Похоже, адрес какой-то на Беринга или Шевченко пасут – их тут не одна машина, я вас уверяю.

Наряд ОВО уже медленно поворачивал с Малого проспекта на Гаванскую. По пустынной Наличной пронеслась модная красная иномарка.

– Во! – вскинулся старшина. – Этих погоняем! Молодежь хиппует – возможно, на коксе.

«Шестерка» зарычала, включила мигалки и дернулась в погоню.

Глава первая Гурьев

...Если наблюдаемый начинает оглядываться, то филер должен определить, почему именно он начал оглядываться: потому ли, что намеревается посетить какое-либо конспиративное место и боится чтобы его не заметили, или потому, что сам заметил наблюдение...

Из Инструкции по организации филерского наблюдения

Водитель «девятки», от которой отъехали милиционеры, потянулся, разминая плечи. Потянулся со вкусом, так, что сиденье под ним затрещало.

– Вот работенка! Пятый час глядим в погасшие окна. Утром сменят – придешь к бабе и соврать нечего – мол, опасная и секретная у нас служба! – преодолевая зевоту, пробурчал Антон Гурьев.

Гурьев был капитаном. Он отслужил в «НН» девять лет, стал крепким профессионалом, однако в последнее время его взгляды на этот мир – мир погасших до пересменки окон – менялись. Причем менялись с катастрофической быстротой. Нет, Гурьева перестала устраивать даже не зарплата, о которой можно (и лучше) не говорить. Его перестало устраивать то унижительное состояние, когда нормальные люди стараются двигаться, крутиться в меру своих запросов и характеров, а он, Гурьев, в это время должен стоять на незримых рубежах отчизны и следить. А если что – его нет. И не в тщеславии дело, а в том, что связей, контактов элементарных нет... этого нет... того нет.

– Ни хуя нет! – вслух произнес Антон.

– Так спит еще – рано, – не понял коллега, полагая, что Гурьев имеет в виду объект.

– Потому что нормальный – вот и спит! А ебанутые на голову с ОВОшниками собачатся по ночам, – огрызнулся Гурьев.

Ему ответили понимающим молчанием, хотя, если честно, двое из троих не поняли ничего. Старший смены, а на их языке бригадир, понял, но лаяться не стал. Он развернул плитку заморского шоколада, отломил кусок и протянул через плечо Гурьеву. Гурьев взял, нервно засунул весь кусок в рот, прожевал.

– Вкусный, – с набитым ртом похвалил он.

– Мне очень давно один летчик сказал, что быть бомбардировщиком – это часы скуки, перемежающиеся минутами ужаса, – успокоил его старший.

Бригадиром в смене был Александр Нестеров. Мама Нестерова была легендой наружного наблюдения. Нестеров с детства слышал шуршание радиостанций. Он работал девятнадцатый год и сам стал легендой. Нестеров был болен наблюдением (не путать с вуайеризмом!). Он плохо понимал, почему солнце постоянно исчезает с неба, но мог срисовать номер квартиры, в которую зашел объект, даже если того со всех сторон окружали телохранители. Когда Нестеров разговаривал, то наклонял голову к левому плечу. Эта привычка выработалась с годами от разговоров по радиостанции. Своего рода благоприобретенный миоцит.

– Ыщо есть! – улыбнулся молодой Лямин, перебирая фирменные упаковки с провизией.

А получилось так: около 23.00 они таскали объект в Калининском районе, где последний заехал в универсам и набрал целую тележку снеди. Объект имел условное наименование – «Пингвин» (надо отметить, что наружка дает прозвища чрезвычайно точно). Когда объект выкатил покупки на автостоянку и стал перегружать их в багажник, кто-то позвонил

ему на мобильник. Разговор был долгий, нервный, матерный. Объект дерганно пингвинил вокруг своей блестящей «Ауди», бил лапами по ушам и, наконец, прыгнув в авто, сорвался с места. Мало того, что сотрудники наружки слышали весь текст, так еще и, наблюдая за ним, заметили, что корзина с продуктами сиротливо осталась на стоянке. Первая машина стартовала за объектом, а на позывной сотрудника из второй – только что пришедшего работать в систему Вани Лямина – поступил не терпящий возражений приказ: «Грузчик!³ Что стоишь – клювом щелкаешь? Хватай товар неси до базы!» Несколько секунд Ваня переваривал это сообщение, а затем схватил тележку и, пронесясь с чужим добром через проезжую часть, сумел практически на ходу закинуть оставшиеся продукты в свою машину. Больше всего в этот момент он напоминал чем-то напуганную, мечущуюся мамашу с малышом в коляске.

Естественно, после такого случая настроение у находившихся внутри второй машины заметно поднялось, поскольку на подобные сорта пива у них денег не хватало, не говоря уже об остальных покупках. Однако и в первой машине сидели далеко не мальчики, и они тут же передали зашифрованным текстом: «Грузчики, не распаковывайте товар – мы видели накладные!» Что означало: мы видели, сколько и чего вы скоммуниздили, – делим поровну.

Объект довели до гостиницы «Прибалтийская», и здесь его, как самый молодой, потащил Лямин. Стоя у лифта в холле, погруженный в свои мысли объект вскользь зацепил взглядом... незнакомого парня (имя которому было Лямин), увлеченно пытавшегося вскрыть упаковку редкого французского сыра. В голове у объекта мелькнула мысль, что именно такой сыр он купил час назад. То, что это и был его сыр, объект, конечно же, не знал.

Между тем юный разведчик привлек к себе внимание стоявшего неподалеку от него охранника. Тот уже собрался подойти к Лямину (и далеко не с гостеприимными намерениями), как вдруг у Вани предательски и как всегда не вовремя зашумела радиостанция. Сотрудник службы безопасности «все понял» и, глядя на коробку из-под сыра, подумал: «Контрразведка за каким-нибудь фирмачом... а в коробке, видать, видеокамера». А Ваня Лямин, в свое время приехавший в Питер из Костромы, до того как коробка не поддавалась, и сам не знал, чего он такое вскрывает. Он так удивился! Он думал, что обнаружит в ней что-то страшно экзотическое... клешни португальского омара, к примеру... Лямин мечтал попробовать что-нибудь португальское... Почему именно португальское – он не знал. Может быть, потому, что совсем недавно в Португалии прошел очередной чемпионат Европы по футболу? И тут на тебе – такой облом. У них в Костроме сыра этого – как на гуталиновой фабрике! А этот еще и испорченный – заплесневел, видать, пока везли...

Ну а потом, пока торчали под адресом объекта, успели сожрать и все остальное.

– Скоро перейдем на банальный ночной грабеж, – проворчал Гурьев, допивая из банки темное ирландское пиво. Потом он рыгнул и заявил: – За такие деньги мог бы ящик «Толстяка» купить.

– Действительно! – откликнулся Нестеров, поворачиваясь к Лямину. – Лямка, чо не посоветовал этому тюленю педальному, пока в универсаме за ним крутился?

– Я там рекламу по телеку глядел – Олейникова со Стояновым! – мечтательно произнес Лямин.

– Замечательно! – крикнул Нестеров. Все заржали. Гурьев ажно прослезился.

Около восьми утра пост сменили. Нестеров и компания добрались до конторы, после чего Гурьев покатыл в гараж ставить на прикол оперативную машину, а остальные пехотинцы⁴ вошли в незаметную дверь, рядом с которой красовалась вывеска: «Филиал № 2 фабрики игрушек». Любой прохожий, желая проявить свои аналитические способности,

³ Грузчик (спец. термин) – сотрудник «НН». Термин используется при ведении радиопереговоров.

⁴ Пехотинцы (проф. жаргон) – сотрудники наружки, за исключением начальства и оперативных водителей. Все те, кто в прямом смысле регулярно топает за объектом пешком.

сделал бы глубокомысленный вывод: мол, если есть филиал фабрики № 2, значит, где-то существует и филиал № 1. Данное умозаключение, в принципе, логично, однако на практике абсолютно неверно. С таким же успехом база «НН», которая на сленге ее обитателей зовется «кукушкой», могла бы именоваться и «Трест столовых № 37», и «СевЗапГлав-Снаб-ФлотПрод». Одним словом, «Рога и копыта»-2.

Смена принялась отписывать сводку наблюдения. Вернее, так: Лямин, как самый молодой и к тому же обладающий красивым почерком, писал, а его бригадир, он же наставник Нестеров, стоял над душой, подгонял и, мягко говоря, ворчал, поучая:

– Не гостиница «Прибалтийская», а гостиница «Прибалтийская», расположенная по такому-то адресу... Не просто «дыр-дыр-дыр», а добавь чуть детектива. Заказчику⁵ интересней – он же нас оценивать будет. Да и нашему руководству приятней... Но и не перебарщивай!.. Мать твою, Лямка, чего ты городишь? – «В течение часа объект пил пиво в баре „Корсар“, периодически совершая проверочные действия».

– Это он периодически в сортир бегал! Имеет право, между прочим, с четырех-то кружек...

Лямин торопился, нервничал, выходил за поля не предусматривавшего приливы графомании казенного бланка и совершал орфографические ошибки при написании названий улиц и питейных заведений (толком изучить город он еще не успел).

Причины торопиться у Нестерова были. И не только потому, что после ночной смены хочется как можно быстрее добраться до дома, перехватить кусок-другой чего-то съестного и отправиться давить подушку. Дело в том, что сменный наряд, к вящему неудовольствию его участников, не может работать как часы. Оно хорошо, конечно, когда восемь положенных по КЗОТу часов оттащали объекта, а потом заводской гудок, и всё: концерт окончен – скрипки в печку. А если сменщики опаздывают (пробки, инструктаж затянулся, на заправку по дороге заскочили)? А если объект за это время уже до государственной границы доехал? А если... Много всяких таких «если» бывает. Так что пока в контору вернешься, пока отпишешься – гля, еще пару часиков и натикало. Причем своих, законных, которые тебе, естественно, никто дополнительно оплачивать не станет. Ведь в конце концов не за деньги служим – Родине! А кроме того, есть такая старая «ОПУшная» мудрость: отработал – не светись. В смысле, без видимых причин по конторе не слоняйся. Иначе нарвешься на начальство, а у него, у начальства, всегда неразрешимая дилемма – кого бы еще для массовости отправить на пятикилометровый кросс, встречу с ветеранами, хозработы, оформление боевого листка (или просто – на хрен, ежели настроение располагает). И тогда пиши пропало:

– Иди-ка сюда, голубь мой ненаглядный!

– Дык, Пал Палыч, я ж только сдался. Я ж с ночи! Не спамши, не емши, не срамши.

– Все понимаю. А мне, думаешь, легко?

(...Виноватое молчание – лучший способ доставить начальнику удовольствие.)

– Вот видишь. А если не ты – укажи кто?..

А на кого показывать? Дурных нема. Заслышав грозные шаги командора, все уже давно по щелям, по углам разбежались. И если ты один такой тормоз оказался, то винить, кроме себя самого, некого. Так что вперед – на мины.

Естественно, всех этих премудростей молодой Лямин в полной мере пока не уловил, а потому каждый раз очень болезненно воспринимал неудовольствие наставника по поводу темпов сочинения им сводки «НН». И это при том, что сам Нестеров сводки писать не любил (насочинялся в свое время), предпочитая перекладывать это занятие на плечи подчиненных. Конструктивной помощи от него в этом процессе тоже ждать не приходилось. На вполне

⁵ Заказчик (спец. термин) – сотрудник гласной службы, инициатор задания на проведение мероприятия «НН» и конечный получатель результатов наблюдения «грузчиков».

уместный вопрос: «Акак вот это написать?» – аксакал разведки, как правило, покровительственно похлопывал вопрошающего по плечу и отвечал: «Как-как? Пиши хорошо. А плохо оно само получится».

Когда к десяти утра Гурьев добрался домой, его очередная временная сожительница по имени Тома сонно встретила его вопросом: «Чего интересного случилось?» Тома была девушка любознательная и очень любила задавать вопросы. По большей части глупые. Тем более что в свое время Гурьев нагнал Томе пурги, рассказав, что работает по слежке (так ей было проще понять) за коррупционными депутатами и генералами. А вообще Антона всегда страшно раздражал приказ, согласно которому он не имел права что-либо рассказывать о своей работе в принципе. Никому, даже самым близким родственникам. Такая вот классика жанра – о драконах ни слова! Утешало одно: близких у Гурьева было лишь двое: мама да тетка в Луге, куда пару лет назад, выйдя на пенсию, мать и перебралась. А так круг его знакомств, в силу понятных причин, ограничивался ребятами из конторы плюс изредка возникающими на постельном горизонте барышнями. Что же касается Иглы, то бишь бывшего старшины второй статьи, а ныне вице-президента финансовой корпорации «Российский слиток» Игорехи Ладонина, то на него ведомственное информационное табу, естественно, не распространялось.

– Том, тебе как на духу! Около пяти нуль-нуль стоим, глядим в окна объекта. Глаз, как обычно, отвести не можем, потому как нарушение присяги. Вдруг треск-грохот, стекла кусками наземь! А из окна вылетает мужик и с криком: «Государю-императору УРА!!!» как... – Гурьев сделал вид, что не хочет материться.

– Разбился! – окончательно проснулась Тамара.

– Не-а... Улетел куда-то, гаденыш! – безразлично ответил Антон и зашагал в душ.

– Куда улетел?! – всплеснула руками Тома. Между прочим, трудилась Тамара при делопроизводстве. И не где-нибудь, а в самом (!) Законодательном собрании. Тамара очень дорожила этой должностью и частенько напоминала Антону, что ей о своей работе говорить не положено. Самое печальное, что говорила она это на полном серьезе.

– Не разглядели, – включая воду, ответил Гурьев. – Сейчас этим региональный разведцентр ФСБ занимается.

– Ну тебя! – дошло наконец до девушки. Настроение у Антона было самое паршивое.

И хотя он понимал, что Тома близка к тому, чтобы обидеться, он уже не мог перестать издеваться. (Такая вот защитная реакция организма: одни мужики под плохое настроение бабу бьют, другие – смехуёчками ее доводят.)

– Том! – позвал Гурьев из-за занавески в ванной. – Ты только никому не говори – информация секретная. Я подписку дал о неразглашении.

– Какую подписку? – насторожилась Тамара. У ее первого мужа когда-то уже была подписка. О невыезде.

– Ну... как тебе объяснить... я на Литейном случайно подслушал, в секторе контрразведки по внеземным агрессивным посещениям планеты. Короче, они подозревают, что это нечистая сила... Разработка получила кодовое название: «Последний прыжок Пингвина», – Гурьев увлеченно развивал тему, фыркая под водой от удовольствия. – Вроде демоны завелись.

– Ой, а я тут как раз по телевизору смотрела про «Храм судьбы»... – затараторила было Тамара, но Антон прервал ее более прозаическим:

– А фрикадельки остались в холодильнике? Через некоторое время до Тамары наконец дошла ирония Антона, и она, разозлившись, сказала:

– Шутить над собой могут только...

– ...только состоявшиеся пингвины в Мариинском дворце, – закончил за нее фразу выходящий из ванны Антон. Тамара хотела сказать иначе, однако Гурьев уловил суть абсолютно верно, поэтому она просто надулась и промолчала.

– Вот и правильно... Мы что? Так, шла собака по роялю... Чего, говоришь, у нас с фрикадельками-то?

Фрикадельки внутри были холодными. Гурьев устало поглощал их и смотрел на Тамару. В отличие от героев известного детского стишка Тамара была ему не парой. И он это знал. Девушка Тамара была из категории мопсов – с маленькой головой и такими же интересами. Самое большое, о чем она мечтала в этой жизни, – это о ПРЕЗЕНТАЦИИ, на которой бы все ее узнавали. Идеалом для нее служили Андрей Данилко и мужчины из депутатского корпуса. Причем все без исключения. Однажды, когда Тамара с плохо скрываемым волнением рассказывала Гурьеву о том, как в день ее рождения сам главный депутат с рыбьими глазами и красивой цветочной фамилией подарил ей шоколадку, Антон, заметив знакомую поволоку в Тамариных глазах, всерьез испугался, что она сейчас вдруг возьмет да и кончит.

Докатился! Каким женщинам он мстит Тамарами? Наверное, тем, которые не смогли жить с ним. А почему? Да потому что еще пять лет назад он был совсем другим. Он был настоящим мужиком. Способным на поступок, способным ну если не на подвиг, то хотя бы на рекорд. А сейчас? Сейчас – едва ли.

Рекорд Гурьева в конторе помнили многие, а поставлен он был следующим образом: смена Антона таскала объект около станции метро «Площадь Восстания». Объект что-то почуял, потяжелел⁶ и нырнул в метро. Пехота, соответственно, за ним. В вагоне сотрудник поставил радиостанцию в режим передачи, и через несколько секунд в машине Гурьева раздался торжественный металлический голос: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция „Владимирская“». Вектор был задан, и Антон рванул в этом направлении, ориентируясь по периодически объявляемым названиям станций. Половина седьмого вечера. Сколько транспорта на питерских дорогах в это время? Так вот, когда объект доехал и вышел на «Кировском заводе», машина Гурьева уже стояла на Стачек напротив станции метро. Уж многое повидал Нестеров, но тут ахнул: «Это рекорд!» Правда, прежде чем ахнуть, Нестеров промчался в машине с Гурьевым и во время этой, с позволения сказать, поездки так сжимал ногтями сумку с аппаратурой, что на ней навсегда остались следы от ногтей. И это при том, что в деле игнорирования правил дорожного движения наглее наружки никого нет, а в качестве пассажира оперативного транспорта Нестеров катался уже второй десяток лет.

Рекорд Гурьева в ОПУ стал легендой. Начальник отдела Нечаев на совещании слезно попросил: «Парни, я знаю, что некоторые из вас народ до профессиональных мулек тщеславный. Но умоляю! Не старайтесь побить время Гурьева! Вы мне еще нужны живыми...»

«Вот каким я был! – подумал Антон. – А сейчас?! Фрикадельки!»

Уже примерно с год как Гурьев собирался уходить. Все это время его мысли, так или иначе, сводились к одному: послать всех к чертовой матери и свалить из конторы, из системы (ну и от Томочки заодно – так уж, чтоб всё до кучи). Причем не просто свалить, а напоследок по возможности еще и громко хлопнуть дверью. Антон частенько представлял себе, как однажды он сядет и напишет рапорт на имя министра внутренних дел (ни больше ни меньше!) примерно следующего содержания:

«Товарищ министр, я, капитан милиции Гурьев, отслужил в „НН“ девять лет. Родина мне дала все, но частенько во время службы мой организм был вынужден испражняться.

⁶ Потяжелел (проф. жаргон) – заосторожничал, почувствовал за собой слежку.

Посему уведомляю Вас, что многие парадные Северной столицы я цинично обоссал. В содеянном раскаиваюсь и прошу поднять этот злободневный вопрос на повестке очередной коллегии МВД в подпункте „разное“. Позаботьтесь если не о нас, то хотя бы о россиянах, о жителях великого города, который взрастил для нашей страны плеяду замечательных людей – от Михаила Ломоносова до президента Путина».

Однако решиться было непросто. И дело тут совсем не в будущем трудоустройстве – в последние годы проблем с работой на «гражданке» как раз не было. В том числе и по нынешней его специальности. Время быков-телохранителей ушло, а посему озабоченные личной безопасностью и безопасностью своего бизнеса новоявленные капиталисты бросились разыскивать бывших сотрудников бывшей девятой службы КГБ⁷ – за руль бронированных иномарок требовались сотрудники наружки. Они и водили первоклассные, и поляну секут. А ее, родимую (то бишь поляну), сечь ой как надо, дабы успевать заблаговременно срубать хвосты, которые нынче ставят не только слуги государевы, но и недруги-конкуренты. Причем на последних все чаще пашут все те же сотрудники «НН». Как бывшие, так порой и действующие.

Так что ни с работой, ни с деньгами проблем не предвиделось. Каких-то особых угрызений совести Гурьев также не испытывал: государству он уже давно ничего не должен (скорее, это оно задолжало ему), а ребятам из отдела и объяснять ничего не нужно – и так всё понимают: как говорится, не он такой первый, не он последний. И все равно – что-то ведь держало, что-то заставляло оттягивать, отсрочивать этот самый хлопок дверью. И вот это «что-то», не поддающееся логическому объяснению, больше всего раздражало и злило Гурьева.

Лучший друг Антона по прозвищу Игла (Игорь Ладонин) был персоной в мире бизнеса и финансов, причем не самой последней персоной. Около года он обрабатывал Гурьева и, чувствуя, как нелегко тому решиться, терпеливо держал для него место, не торопя и не понукая, давая понять, что окончательный выбор все равно будет за самим Антоном.

– Мне же ты не как семерошник⁸ нужен. Мне доверенное лицо нужно! У меня подчиненных дивизия! А ты их хари видал? Им доверить можно только долларов триста, так как на трехстах тридцати сломаются. Хуже только в Госдуме и на Вологодской пересылке!

Гурьев пошарил в карманах, достал пачку «Явы» (обычной, не «золотой») и, подхватив спички, вышел на балкон. Закурил. Наличие «Явы» свидетельствовало о том, что получка была уже давно. У Антона не было пристрастия к определенной марке сигарет: в первые дни после зарплаты он покупал относительно дорогой «Честерфильд», неделю спустя переходил на «Петра», а примерно за неделю до Дня разведчика,⁹ как правило, был вынужден довольствоваться пяти-семирублевыми сигаретами или папиросами. Словом, Гурьев курил все, что дымилось. Исключение составляли разве что сигары, которые он еще со школы на дух не переносил. С этими самыми сигарами у них с Игорехой Ладониным когда-то приключилась целая история.

...Ладонин и Гурьев родились в одном родильном доме на Большом проспекте Васильевского острова. Причем родились с разницей всего в несколько дней, и даже роды у их матерей принимал один и тот же врач. Впрочем, мама Гурьева познакомилась с родителями Ладонина много позже, когда им с Игорехой было лет по восемь. Татьяна Ивановна Гурьева,

⁷ Девятая служба КГБ обеспечивала персональную безопасность высшего партийногосударственного руководства, а также охрану жизненно важных центров государственного аппарата.

⁸ Семерошник (проф. жаргон) – сотрудник «семерки». Седьмое управление МВД СССР – это прежнее официальное название «наружки». Просуществовало в период с 1953 по 1991 год.

⁹ День разведчика (проф. жаргон) – день зарплаты.

равно как и несколько других матерей, была убеждена, что во всех грехах ее малолетнего сына виновата компания, в которой верховодил Ладонин-старший по прозвищу Ладога. Татьяна Ивановна была недалеко от истины – в компанию эту Антон действительно входил. И как следствие – в скором времени вместе со своим дружкой Игорем попал на учет в детскую комнату милиции, на котором Ладога уже стоял давно и прочно.

Произошло это в далеком 1984 году. Игорь и Антон, которым было по десять лет и которые учились тогда (страшно подумать!) аж в третьем классе, захотели купить коробку сигар. Разумеется, кубинских – ведь иных тогда и быть не могло. Сигары продавались на Седьмой линии, в табачной лавке рядом с кинотеатром «Балтика» и стоили целых пять рублей коробка. Но юным пионерам так захотелось этих самых сигар, что они не выдержали и в один прекрасный день попросили в долг у Ладоги. Это было равносильно тому, как если бы в наше время двое третьеклашек попросили в долг у старшего товарища долларов так сто. Ладога им отказал, но не только. К тому времени семнадцатилетний Ладога для своего возраста был уже тертым калачом, а потому доступно объяснил детишкам, как она устроена, наша жизнь.

– Вы очень хотите покурить сигары? – спросил он.

– Очень, – ответили пионеры хором.

– А почему?

– Потому что их Фидель курит, – объяснил Антоша.

– Ферштейн... Фидель – это голодаевский? – пошутил Ладога, намекая на шпану с острова Голодай, что на картах называется островом Декабристов. С голодаевскими тогда гаванские постоянно враждовали.

– Фидель живет на Кубе... – не вкурив юмора, затараторил было младший брат.

– Ну, тогда это все меняет!.. А почему же мы на него стараемся походить? – перебил Ладога.

Антон по-школярски подтянулся, глянул на небо и заученно произнес:

– Потому что он в Великую Отечественную войну...

– Обалдеть! – заржал Ладога и переспросил: – Что в Великую Отечественную?

– Второй фронт придумал! – выпалил Игорек.

– Нечем крыть. Тут без сигар ни туда и ни сюда! Посему слушайте внимательно: на катке ВМФ к ночи в субботу остается много посуды. Заправляет там Кузя с Наличной. Посему если попадетесь – то огребете! А не попадетесь – за выходные на сигары бутылок насобираете. Мне доли не надо. Так что, братишки, запомните: чтобы что-нибудь сделать, надо, как минимум, что-нибудь сделать. Это жизнь.

Пацаны внимали молча, без недовольства. Ладога манерно закурил сигарету «Ту-134» по тридцать пять копеек пачка и под конец сжалился:

– Если к стенке прижмут, мной прикройтесь – скажите, я отвечу!

Затем он ухмыльнулся и ушел, думая про себя, что попадутся точно, «...но если Кузя подкатит с предьявой, то я напомним ему об одиннадцати рублях, которые он зажал. Кузя-то слюнил, что менты фотоаппарат отобрали, а опер по детям недавно Ладогу подкалывал за объектив „Зенит“. А если и после обозначения его имени Кузя пацанам уши оборвет, то будет повод нос ему сломать – давно руки чешутся. Заодно и долю с катка стеклянную отберу. И вообще – скользкий он...». После этого Ладога решил заглянуть в гости к ребятам во дворы Смоленки, но тут вспомнил заповедь отца – речного капитана и несколько переиначил ее: «Если мусора знают, где ты находишься, – не находишься там». Посему Ладога зашагал в ДК Кирова. Там был вечер «Кому за тридцать», а в туалетах выпивали всегда те, кому до двадцати. Причем выпивали с захватывающими приключениями.

А Игорь и Антон отправились разведать обстановку на катке ВМФ, что напротив Смоленского кладбища по Малому проспекту, и для Гурьева это стало первым оперативным

мероприятием в жизни. В результате наблюдения выяснилось, что пустые бутылки собираются во время хоккейных матчей подручными Кузи и складываются в туалете теплой раздевалки. Другими было принято решение: Ладонин-младший незаметно проникает в сортир типа «Мэ и Жо» и передает бутылки через вентиляционное окошечко Гурьеву, который должен будет скрыться с ними в неизвестном Кузе направлении. Эта, в общем-то, немудреная задача осложнялась тем, что дверь в помещение туалета постоянно открывалась из-за сквозняка и с грохотом возвращалась на место. Кроме того, там вечно шныряли какие-то «портвейные» парни и молодые спортсмены. Но тут уж ничего не поделаешь – каток, он и в Ленинграде каток. Но раз решено – делаем.

Операция началась в ближайшую же субботу. Работали слаженно, быстро, однако на четвертом десятке грязных и липких бутылок «заштормило море». В туалет заглянул пацан из ватаги Кузи с охапкой пустых из-под «Золотого колоса». По глазам Игоря, которые, моргая, отбивали морзянку: «Я что – я ничего...», он мгновенно просек ситуацию. Пацан издал возмущенно-испуганный хрип, переводимый как: «Ку-у-зя, гра-а-а-бю-у-т!» Игорь, услышав этот возглас, крикнул в окошко товарищу: «Линяй!», а сам с боевым кличем: «Не разбей тару!» лобешником сшиб подручного Кузи. При этом лоб вошел именно в батарею «Золотого колоса». Промчавшись несколько метров по раздевалке, Игорь схватил чью-то лыжную бамбуковую палку и напоследок зачем-то огрел ею ни в чем не повинного хоккеиста команды «Смена». Размахивая палкой, он так и скрылся из виду и от погони, которой, впрочем, и не было. Обнаружив в заранее условленном месте Антона, он первым делом проверил содержимое большого отцовского рюкзака, снятого с антресолей специально для этой вылазки.

– Целехенькие! – с облегчением констатировал Игорь, отдышавшись.

– Как ты?! – взволнованно спросил Антон.

– Каком кверху! – улыбнулся Игорь. – Хорошо – на пути никто не попался – зарубил бы! Антон, восхищаясь своим товарищем, даже и спрашивать не стал – а чем зарубил-то?

На вырученные ими четыре восемьдесят и ранее скопленные двадцать копеек они пошли покупать сигары. Но поскольку знали, что им в магазине не продадут, стояли у входа и караулили подходящего мужика, чтобы попросить, объяснив просьбу враньем, что это, мол, брату на день рождения, подарок. И надо же такому случиться, что нарвались они на Кузю и его корешей, которые отняли у них пятерку. При этом ребята не сомневались в том, что Кузя появился здесь неспроста, и справедливо рассудили, что еще легко отделались. Но Кузя со товарищи в данном случае появился именно «спроста». Оба снова поплелись к Ладоге.

– Пятерку я с них вытрясу. Раз вас на месте не застукали, значит, наше дело правое, – пообещал Ладога. – А вот привет ему вы сами должны передать.

– Это как? – не понял Ладонин-младший.

– Ты же слышал, как Фидель второй фронт открывал? – ухмыльнулся Ладога и, не дождавшись ответа посоветовал: – Фидель американцам все стекла ночью повыбивал – вот они и присмирели...

Этим же вечером ребята подошли к дому Кузи, жившего на втором этаже в пятиэтажной «хрущевке». Родители, похоже, отсутствовали, потому что на кухне стоял гомон его дружков, перекрываемый бобинным магнитофоном «Комета», который надрывался голосом Аркаши Северного: «...раз заходим в ресторан – Гаврила в рыло – я в карман!..»

Юные гавроши подыскали на помойке кирпичи и вооружились. Первый же кирпич, пущенный Антоном, залетел на излете в окно первого этажа. Обидно – и Кузя не услышал, и пришлось срочно ретироваться. Но, выбежав на Малый, они сразу же налетели на патрульную машину. А тогда времена были построже, и милиция после девяти вечера таких вот оглоедов, как правило, задерживала на предмет «а где мама с папой?». Когда Антона

с Игорем доставили в отделение, к этому времени с «02» уже пришла заявка о разбитом стекле. Опер был опытный и углядел измазанные кирпичом ладони пацанов. Когда же выяснилось, кто у Игоря старший брат, подытожил: «Все ясно!» Потом потерев мозги вокруг адреса заявки и рассмеялся, довольный своей проницательностью: «Вас Ладога послал Кузе окна выбить, так?!!» В любом другом случае юные пионеры, конечно, сознались бы – все-таки впервой в мусарне, но услышав имя Ладоги, решили выстоять все пытки. Их, естественно, никто не бил (только пообещали выпороть), но ребята все равно молчали, краснели и неумело и невпопад врали. Закончилось все составлением каких-то карточек. А уже затем их поставили на учет. Крику в семьях было! А Ладога тогда сказал: «Уважаю, парни, – из вас будет толк! Держитесь друг дружки!» и вручил им пятерку.

На этот раз коробку сигар они купили. После залезли на крышу одного из домов, долго не могли открыть коробку и в конце концов раскололи ее. Потом они долго пытались раскурить сигары и при этом парочку нечаянно разломали. Наконец покурили – желудочным соком часа полтора рвало обоих. С тех пор ни Гурьев, ни Ладонин не могли даже находиться там, где хоть кто-нибудь закуривал сигару, а к Игорю с подачи брата на всю жизнь приклеилось прозвище «Второй фронт». Иглой он позволял называть себя только Гурьеву...

Антон выбросил окурок, вернулся на кухню, допил остывший чай и отправился спать. Сегодняшний день обязательно следовало запомнить, поскольку именно сегодня ночью, когда они стояли под окнами и охраняли мирный сон гражданина Пингвина, Антон, наконец, понял: вот он, его край. Все накопленное, передуманное и вконец остопиздевшее за этот год достигло критической массы и сформировалось в однозначное законченное решение. Его мужское решение. Самое удивительное, что после этого на душе у Гурьева впервые за многие дни стало столь же удивительно спокойно. С этим спокойствием он и заснул. Впрочем, нет. Перед тем как заснуть Антон все-таки успел подумать о том, что напрасно не дал подзатыльник Лямину. Крутясь в универсаме за объектом, Лямке и в голову не пришло, что можно было раздобыть образцы следов пальцев рук объекта. Ведь наверняка кучу товаров в магазине Пингвин лапал просто так. И дело даже не в том – нужны были эти пальцы или нет. Просто Лямин об этом не подумал!.. Эх, уйду – и хлебнет с ними Нестеров по полной. Хотя... Хотя в свое время Нестеров и с ним хлебал. Их опыт – как сухой шашлык: жуй-плной – передай другому. А вообще-то Лямин парнишка неплохой. И улыбается так... солнечно...

Гурьев спал. Ему снился неизвестный объект, который на своей «ауди» вдруг резко ломанул поперек движения по Кронверкской улице. Гурьев двинулся за ним следом и моментально себя раскрыл. Ч-черт! Надо же было в обход, по Пушкинской!..

В одной машине с Нестеровым, Гурьевым и Ляминим находился еще один боец невидимого фронта – Паша Козырев. Паша стажировался на оперативного водителя, и Гурьев официально числился у него в наставниках, за что ежемесячно получал надбавку в триста целковых. В принципе, человеку, стажирующемуся на водителя, топтаться в смене абсолютно незачем – его дело постигать азы оперативного вождения да матчать в гараже изучать. Однако народу в отделе катастрофически не хватало, и поэтому Козыреву пришлось собственным телом прикрыть вакантную брешь, образовавшуюся в сменном наряде Нестерова. А именно: пропустив теорию, благо водительский опыт у Паши к тому времени уже имелся (два года за баранкой погранцового уазика – это вам не кот начихал), сразу же перескочить к практике. О чем, кстати, Козырев впоследствии ни разу не пожалел. Работать в экипаже с Нестеровым и Гурьевым было безумно интересно. Вот, например, за неполный месяц работы он узнал о наружке столько, сколько не знает среднестатистический опер-двухлеток, аттестованный на должность старшего грузчика. Правда, Гурьев, поставивший перед

собой задачу сделать из Паши первоклассного оперативного водителя, шпынял его все это время нещадно. Доставалось Козыреву и от Нестерова, причем много чаще, чем тому же Лямке, хотя у Вани проколы случались едва ли не каждый день. Но Ваня Лямин был из той породы людей, на которых невозможно долго сердиться или обижаться. Потому как все равно не в коня корм. Он постигал этот мир исключительно методом проб и ошибок. Причем обязательно собственных.

Паша Козырев и Ваня Лямин стали полноправными сотрудниками наружки совсем недавно. Они были почти ровесники (каких-то полтора года разницы в пользу Козырева), но на этом их сходство заканчивалось, а дальше начинались различия. И различия принципиальные. К примеру, там, где Лямин постоянно радовался и улыбался, Козырев лишь иронично всматривался. Где Лямин шагал бодро, там Козырев ступал внимательно и осторожно. Козыреву для того, чтобы получить звание лейтенанта милиции, пришлось после армии два года отсидеть в Стрелке.¹⁰ Ване же Лямину для младшего лейтёхи хватило лишь пятимесячных курсов, на которые он поступил после окончания геодезического техникума. Приехавший в Питер из Костромы Лямин жил с бабушкой в хорошей двухкомнатной квартире в Озерках и ежемесячно получал от родителей энную сумму, падавшую на карточку VISA. А коренной питерец Козырев снимал комнату в коммунальной квартире на Лиговском проспекте, на что уходила почти вся зарплата, и устройство банкомата представлял лишь в общих чертах. Словом, как говорили идеологи застойных лет: два мира – два детства!

Помимо Козырева в огромной квартире проживали еще тринадцать человек. Впрочем, возможно даже и больше – несмотря на то что Паша теперь считался разведчиком, он все никак не мог запомнить в лицо каждого из соседей. Тем более что и встречался он с ними не часто. Козырев не был ни ярко выраженной «совой», ни «жаворонком», а вел иной, «смешанный», а потому не совпадающий с другими образ жизни. Во всей двадцатипятиметровой квартире был всего лишь один человек, к которому Паша относился с благоговейным уважением и с каким-то особым, можно даже сказать сыновним, чувством. В отличие от временщика Козырева Людмила Васильевна Михалева была местным аборигеном и всю свою сознательную жизнь прожила здесь, в небольшой комнатухе с окнами, выходящими в окна напротив (вторая дверь слева по коридору, дальняя правая конфорка на плите, что у окна, звонить три раза). Несмотря на разницу в возрасте почти в сорок лет, Паша Козырев и кандидат исторических наук, директор музея политического сыска, что на улице Гороховой, Михалева очень быстро нашли общий язык и сумели подружиться, что для нашего времени, возможно, кому-то и покажется дико странным.

Михалева была до фанатизма предана своему делу и потрясающе умела рассказывать. Героями Михалевой были жандармы, сотрудники охраны, чекисты и следователи НКВД. Превозносить их она позволяла многим, но ругать – только себе. У Людмилы Васильевны была масса энергии, и она просто-таки расточительно распыляла эту энергию вокруг себя. Козырев обожал ее слушать, а Михалева, в свою очередь, периодически стыдила его за серость: «Паша, а Дубельт¹¹ был красавец, а?!» – и тыкала в лицо какой-то портрет.

– А Дубельт – это кто?

– Бог мой, это нечто! – возмущалась Людмила Васильевна.

– Паша, что по такому-то поводу писал Бурцев?¹²

– А кто это?

– Господи, укрепи!..

¹⁰ Стрелка (проф. жаргон) – средняя школа милиции, расположенная в пос. Стрельна, что под Петербургом.

¹¹ Дубельт Леонтий Васильевич. Генерал от кавалерии. Участник Отечественной войны 1812 года. С 1835 года был первым начальником штаба Отдельного корпуса жандармов. Умер в 1862 году.

¹² Бурцев Владимир Львович (1862–1942). Публицист. Издатель журнала и редактор сборника «Былое». Разоблачил как провокаторов царской охраны Е. Ф. Азефа, Р. В. Малиновского и др.

В нарушение всех ведомственных приказов и инструкций Людмила Васильевна была прекрасно осведомлена о настоящем месте работы Козырева. Причем осведомлена не просто в общих чертах, а с пристрастием, то бишь с посвящением во многие тонкости и нюансы. Не секрет, что в жизни практически каждого сотрудника наружки есть как минимум один человек, который знает много больше о его подлинной деятельности, невзирая на существующие на сей счет строжайшие запреты. Люди, придумавшие правила игры в наружку, сделали все абсолютно верно и логично, однако они не учли одного обстоятельства: редкий человек способен долгое время прожить в атмосфере внутренней изоляции от близких ему людей, постоянно изобретая отличную от подлинной мотивацию своих поступков, мыслей, срывов, отлучек и просто дурного настроения. Другое дело, что подобными носителями «тайного знания» в основном становятся (да и то далеко не сразу) жены, родители, любовницы или самые близкие друзья, как это произошло в случае с Гурьевым и Ладониным. Козырев же сдал себя с потрохами доселе незнакомой ему Людмиле Васильевне буквально на вторую неделю после своего вселения в «лиговскую слободку».

В тот день смена пасла заезжего хохла, подозревавшегося в торговле эфедрином. Хохол, то ли в силу стесненных средств, то ли из чувства патриотизма, сразу с Витебского вокзала ломанулся в гостиницу «Киевская», взял одноместный номер, заперся в нем и затих: может, уснул, измотанный плацкартным комфортом, может, ширнулся. Шел уже пятый час бездумного стояния в скверике на Днепропетровской улице, а объект все не появлялся. Обстановка в экипаже накалялась и постепенно становилась близка к классически-критической – это когда денег нет, а жрать почему-то хочется. Вот тут-то живший рядом Козырев и вызвался по-быстрому смотаться до дому, где в общаковом коммунальном холодильнике у него чудом завалялись триста пятьдесят граммов молочных сосисок (если, конечно, бомжеватого вида сосед Петрович их еще не экспроприировал). Большинство голосов (Гурьев и Лямин – за, Нестеров – воздержался) Пашина инициатива была одобрена, и он мелкой рысью помчался к себе на Лиговку.

Михалева, которая на буднях обычно целыми днями пропадала у себя в музее, в этот раз почему-то оказалась дома. Паша застал ее на кухне жарящей блины из кабачков. Они перебросились парочкой необязательных фраз, затем Козырев убедился, что сосиски на месте, и спешно начал нарезать хлеб тупым, как его владелец сосед Григорович, ножом. В этот самый момент из недр его джинсовой рубахи раздался спокойный, чуть металлический голос Гурьева: «Грузчик, кончаем перекур, у нас 115, груз на пирате¹³ по Днепропетровской, давай ноги в руки, на Лиговке подберем...».

В условиях стопроцентной коммунальной акустики голос прозвучал непривычно отчетливо. От неожиданности Паша вздрогнул, замешкался и едва не оттяпал себе полпальца. Нет, все-таки при определенных условиях и тупой нож может быть весьма грозным оружием. Примерно так же среагировала на сей «внутренний голос» и Людмила Васильевна, однако она, в отличие от Козырева, пришла в себя гораздо быстрее. Михалева взяла со стола пачку сигарет, смачно затянулась и, зафиксировав растерянный Пашин взгляд, строго спросила: «Пал Андреич, вы шпион?»¹⁴

Потом Козырев так и не вспомнил, что же такое он тогда пролепетал ей в ответ. Вроде бы извинился (интересно, за что?), пообещал все объяснить вечером и, схватив пакет с сосисками, вылетел из квартиры, багровый, как полковое знамя. «Все, расшифровался,¹⁵ что теперь делать-то?» – эта мысль колотилась в его мозгу, когда он сначала летел вниз

¹³ Здесь читай: у нас выход объекта, который поймал частника и едет по улице Днепропетровской.

¹⁴ Цитата из т/ф «Адьютант его превосходительства».

¹⁵ Расшифровался (спец. термин) – раскрыл свою принадлежность к правоохранительным органам перед случайными людьми.

по парадной лестнице, перескакивая через три-четыре ступеньки, а затем мчался по Лиговке и буквально на ходу впрыгивал в невезь откуда подрулившую машину Гурьева. Естественно, о своем проколе он никому не рассказал, а всю оставшуюся смену мучительно перебирал варианты достойной отмазки и разумного объяснения наличия у него радиостанции. Однако в этот вечер после работы неожиданно образовался стихийный сабантуйчик по поводу получения Сережей Давыдовым из второго отделения очередного специального звания. Алкогольный опыт у Козырева хотя и имелся, но не столь внушительный, как у старших товарищей по оружию, а потому Паша не то чтобы сильно напился, а так, знаете ли... Просто прилично накушался.

О дневном происшествии с Михалевой он вспомнил лишь тогда, когда ближе к полуночи вернулся домой и застал ее все на той же кухне, все с той же сигаретой в руках. Складывалось впечатление, что Людмила Васильевна так и простояла здесь весь день в одной и той же позе в ожидании Пашиных объяснений. Врать убедительно в силу слабости организма Козырев был не в состоянии, а неубедительно не было смысла, поскольку Михалева все равно бы не поверила. Поэтому Паша лишь вздохнул (по причине того, что человек он отныне – конченный) и рассказал соседке всё. Вот уж воистину: водка и женщины во все времена губят разведчика! Впрочем, в данном случае слово «губит», пожалуй, не совсем уместно, так как именно с этого дня двадцатидвухлетний Паша Козырев и пятидесятидевятилетняя Людмила Васильевна Михалева стали друзьями.

Утром после смены Михалева как обычно застала Пашу на кухне и, хитро прищурившись, потащила к себе в комнату. В «бумажную конуру», как про себя называл ее Козырев, поскольку процентов на девяносто жилище одинокого кандидата исторических наук состояло из книг, газет, скоросшивателей, бумаг и прочей, в его понимании, макулатуры.

– Паша, у меня такое есть! Зырь! – и Людмила Васильевна пододвинула к нему папку с бумагами.

Козырев осторожно ее раскрыл. (Однажды, примерно в такой же ситуации, он отнесся к бумагам Михалевой в высшей степени непочтительно, что-то рассыпал и получил за это тяжеловесный подзатыльник. Так что теперь был умнее.) Это были пожелтевшие, погнутые со всех сторон листы с отпечатанным на машинке синими чернилами текстом, изобилующим дореволюционными «ятями». Документ назывался так: «ДНЕВНИК пребывания в Ташкенте сотрудника японской газеты „Осака-Майници“ – японца Кагеаки Оба». Вверху на первом листе черными чернилами от руки стояла резолюция: «К докладу от 17 сентября 1910 г. Развед. Отд.»

– Паша, что ты держишь в своих непутевых руках?

– Разведка какая-то...

– Мама, роди меня обратно! Паша, это же сводки наблюдения Разведывательного отделения при Охранном ташкентском отделении! Понял?!

– Ну...

– Паша, это сводки наружного наблюдения, составленные в 1910 году! Теперь ты понимаешь, почему вас называют разведкой?.. Нет, Паша, умоляю – молчи! Потому что раньше – до революции – аналогичные ОПУ назывались Разведывательным отделением.

Перед Людмилой Васильевной Козырев всегда пасовал. Удивительное дело, но она куда лучше него знала, как структурно устроены и МВД, и ФСБ. А какими фамилиями при этом сыпала!.. Нередко домой к Михалевой приходили то работники каких-то неведомых архивов, то недобитые сотрудники НКВД, то офицеры СВР¹⁶ (непонятно, действующ-

¹⁶ СВР – служба внешней разведки.

щие или нет). На фоне всего этого «великолепия» Козырев, конечно же, был пацаном. Даже со своим «НН».

– Читай! – приказала директор музея, а сама начала готовить ему нехитрый завтрак.

«...С вокзала Кагеаки Оба отправился на извозчике № 302 в гостиницу „Новая Франция“. Следом за ним ехали на другом извозчике штабс-капитан Козырев и поручик Машковцев. В 1 ч. 35 м. г. Оба поехал в книжный магазин „Знание“. Здесь он купил путеводитель по Туркестану и открытые письма с видами Туркестанского края».

– Блеск?! – прервала Михалева его, поставив на угол стола яичницу и сгребая в сторону газеты и записи.

– Как в кино. Они, наверно, в котелках были, – с искренним интересом предположил Козырев.

– Сам ты котелок! Читай! – и Людмила Васильевна слегка нажала ему ладонью на затылок, пригнув голову к документу.

«...В 1 ч. 55 м. г. Оба поехал к себе в номер гостиницы, отпустил извозчика и велел подать обед. После обеда лег отдыхать. От 4-х до 9,5 просматривал купленные книги и открытки. В этот же промежуток времени позвал к себе прислугу – коридорного гостиницы и начал расспрашивать его, как здесь обстоит дело насчет „девочек“ – нет ли японок. Коридорный ответил, что не слыхал, чтобы в Ташкенте были японские женщины, но обещался сейчас же навести об этом справки. Услужливый коридорный отправился в соседний номер к проживающей там Мешовой и в разговоре высказал ей, что „японец“, по-видимому богатый, – ищет себе „девочку“».

– Класс?! – обратилась вновь Людмила Михайловна к Козыреву.

– Класс! – не соврал Паша.

Павел вдруг представил себе, как штабс-капитан Козырев подслушивает в коридоре гостиницы. Представил очень ясно и четко, как будто это был он сам. Но еще больше его поразил стиль изложения сводки – абсолютно человеческий, не канцелярский. Он тут же вспомнил ругань Гурьева по поводу того, что его, Козырева, сводки читать неинтересно. Есть почему-то резко расхотелось, и Паша продолжил читать. И то сказать, настоящий аппетит к жизни приходит без еды.

«...В результате, когда около 6,5 часов вечера г. Оба отправился в уборную, то на обратном пути его встретила Мешова, которая и завела с ним разговор. От 9 до 2 час. ночи – г. Оба оставался у Мешовой, причем огонь в ее комнате был потушен. В 2 часа 5 м. ночи в гостиницу неожиданно приехал сожитель Мешовой – помощник пристава С. Последний был в пальто и при револьвере. Подойдя к двери Мешовой, стал стучать в нее, но ответа на свой стук не получил. Стучал С. с маленькими перерывами 17 минут. После этого изнутри комнаты послышался оклик: „Господи Боже мой, да кто же это“».

Паша заржал. Потом успокоился. Потом снова заржал, понимая, как штабс-капитан Козырев столетие назад давил в себе такие же чувства.

– Наконец дошло! – улыбнулась Людмила Васильевна.

«Помощник пристава С. ответил: „Я!“ Тогда голос проговорил: „Сейчас отворю“. И все смолкло. Прошло 12 минут молчания. С. снова начал стучать. Снова послышался оклик: „Да кто же это?“ – „Я“, – ответил С.»

– Менты все-таки тупорылые! – вновь засмеялся Паша.

– Сам-то! – потрепала его по волосам Людмила Васильевна.

«Наконец замок щелкнул и дверь отворилась. С. вошел в комнату, зажег свет и начал делать обыск. Не найдя ничего, он, по-видимому, успокоился».

– Офигеть! Они указывают в сводке даже «по-видимому»! – ахнул из-за этой уточняющей информации Павел.

– Учись, брат, у своего предка! – довольно цокнула языком Людмила Васильевна.

«Отсутствие сцены ревности дало уверенность, что японец был выпущен в сад (на двор) через окно. Как только поручик Машковцев заглянул со свечкой на террасу – с земли двора поднялся с корточек японец (перед этим шел сильный дождь), весь в грязи, и начал махать руками, чтобы обратить на себя внимание. Машковцев сделал вид, что ничего не заметил, и после попросил коридорного помочь какому-то человеку. Вскоре японца вытянули на террасу. От 3,5 до 7,5 японец приводил себя в порядок и спал. В 8 часов утра 16 сентября японец выехал на вокзал, не напившись в гостинице даже чаю из боязни встретиться с С., который должен был, по мнению японца, – убить его, что стало известно штабс-капитану Козыреву из разведопроса коридорного».

– Вопросов нет! – оторвался от чтения Паша.

– Лейтенант Козырев, тень прошлого штабс-капитана Козырева легла на вас! Это обязывает знать историю своей службы. Я доступно изъясняюсь? – улыбалась историк.

– Людмила Васильевна, вопросов нет! – Козырев настолько почувствовал текст, что ему показалось, что он ощущает даже запах в коридоре, в котором разыгрались эти шпионские и слегка водевильные страсти.

– Поручик, чайку? – спросила Людмила Васильевна.

– Не откажусь.

– Сейчас налью. Вот только сначала послушай. Дай-ка я тебе еще немного почитаю, с правильными комментариями.

Михалева начала читать: *«Мероприятия Разведывательного отделения»*... Так... Ага, вот! *«Внутри гостиницы в номере № 10 находились два, переодетых в штатские костюмы, офицера Разведывательного отделения с соответствующими паспортами на нужных лиц».* Скажу я тебе, Пашутка, как старый контрразведчик контрразведчику – паспорта на нужных лиц – это по вашему документы прикрытия, а возможность находиться в номере № 10 – это оперативные расходы. Подслушивали они, очевидно, через открытые окна и через кружку, приложив ее к стенке. Кстати, этот метод исчез совсем недавно. Так, теперь: *«К японцу вошла Мешова с очевидной целью условиться об оплате. Благодаря своей привлекательной наружности она произвела на японца соответствующее впечатление. Если заподозрить ее в сообщничестве с японцем, то в номер к нему она, очевидно, пришла для переговоров».* Чуешь, как работали? *«Если заподозрить!»* – версию не отметили, даже в отношении девки! Теперь внимание! *«Разговор японца с коридорным о японках дал повод заподозрить, что в Ташкенте, может быть, проживают японки. По наведении точных справок в полицейских участках оказалось, что в районе 2-го участка проживает японская женщина, попавшая в Ташкент после русско-японской войны в качестве сожительницы запасного солдата. Наблюдение негласное за ними установлено незамедлительно».* Вот так-то! Аж дрожь берет! В Ташкенте в 1910 году коридорный полслова сказал – наблюдение незамедлительно!

«Как просрали державу?» – спрашивают меня на экскурсиях. Отвечаю: штабс-капитан Козырев к этому не имеет отношения. Я уверена, что подобные дневники и в отношении Ульянова и Арманд существуют. Просрали наверху! – Михалева разнервничалась, закурила своего любимого «Петра», резко встала и со всей серьезностью произнесла в адрес Козырева-настоящего:

– Учись работать! У русского офицера нет иного выхода, как быть русским офицером! Затем она, наконец, дала возможность Паше перекусить и спросила:

– Сегодня опять объект таскали?

– Да, он спал всю ночь, – отрапортовал лейтенант.

– Храпел?

– Что?

– Когда спал – храпел или нет?

– А как я мог слышать?!

– А твой однофамилец услышал бы! Ладно, все – на боковую! – дала указание Людмила Васильевна, и Павел с удовольствием подчинился.

...Ему снился Ташкент начала прошлого века. Козырев стоял на привокзальной площади и смотрел, как к зданию вокзала подъезжает пролетка. Из пролетки вышел японец, немного поторговался с извозчиком, после чего подхватил саквояж и направился к перрону. В этот момент дорогу ему перегородил непонятно откуда взявшийся экипаж, из которого выскочили несколько человек в черных котелках, с увесистыми тросточками наперевес. «Стоять, руки в гору – работает туркестанский СОБР!» – крикнул один из них. Японец довольно метко швырнул в него саквояжем, из которого посыпались открытки и журналы, и бросился бежать. Люди в черном кинулись в погоню. За этой сценой, помимо Козырева, наблюдали еще двое – высокий статный офицер, обликом чем-то неуловимо напоминающий Гурьева, и его дама, лицо которой было скрыто вуалью. «Да это же штабс-капитан Козырев, – догадался Паша. – Подвели-таки японца под задержание». В этот момент спутница штабс-капитана неожиданно оставила своего кавалера и не спеша подошла к нему. «Молодой человек, позвольте прикурить», – томным голосом сказала дама, приподняла вуаль, и Паша узнал в ней девчонку из установки,¹⁷ которую несколько дней назад он случайно встретил в отделе кадров. Девчонка была очень симпатичной (потому и запомнилась), правда, немного постарше и в профессиональных делах явно опытной его. Удивиться тому обстоятельству, что установщица тоже находится в Ташкенте, Паша не успел, потому что со стороны перрона раздалась жуткие крики. Козырев обернулся. Котелки настигли японца, повалили на землю и теперь нещадно избивали его своими тросточками. Японец уже не сопротивлялся – лишь закрывал лицо руками и жалобно вскрикивал. «Хрен вам, а не Южные Курилы!», «Это тебе за „Варяг“, это тебе за Цусиму, а это – за Васю Рябова¹⁸», – долетали до Козырева яростные крики «котелков». Потрясенный Паша автоматически порылся в карманах, достал зажигалку. «Благодарю вас», – произнесла барышня из установки, затягиваясь, и, глядя на сцену жуткого избиения, не то с удовольствием, не то с сожалением констатировала: «Эх, хороший был человек, а попался». После чего исполнила легкий реверанс в Пашину сторону и, покачивая бедрами, как портовая шалава, пошла прочь. Глядя ей вслед, Козыреву почему-то вспомнил слова Михалевой по поводу Павла Судоплатова:¹⁹ «Да, это была штучка!»

Через два дня, после отсыпного и выходного, Козырев приехал в контору примерно за час до выезда на линию. Ему нужно было обязательно переговорить с начальником отдела Нечаевым по одному весьма деликатному делу. Хозяин комнаты, подлюка Григорович, неожиданно затребовал с Козырева предоплату за два месяца вперед – то ли усомнился в платежеспособности нового жильца, то ли опять вчистую проигрался в автоматы (водился за ним такой грешок). Занять денег было не у кого, но тут ребята надоумили – подсказали: мол, чего ты паришься – накатай рапорт на матпомощь. Какие-никакие, а деньги. Только рапорт обязательно неси визировать самому Нечаеву, потому что замполич обязательно это дело замылит – найдет кучу отговорок, и будешь потом за ним таскаться, как в кино «Приходите завтра».

¹⁷ Отдел установки (спец. термин) – одно из структурных подразделений ОПУ. Наружным наблюдением не занимается, решает совершенно другие задачи (см. далее).

¹⁸ Василий Рябов. Герой Русско-японской войны 1904–1905 гг. Добровольно вызвался пойти на разведку в тыл противника, попал в плен к японцам и за отказ сотрудничать с ними был расстрелян.

¹⁹ Судоплатов Павел Анатольевич. В годы войны был начальником Четвертого управления НКВД-НКГБ, руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу противника, координировал работу агентурной сети на территории Германии и ее союзников. Генерал-лейтенант. В августе 1953 года арестован, лишен воинского звания, наград и приговорен к 15 годам тюремного заключения. В январе 1992 года реабилитирован. Скончался в 1996 году.

Паша деликатно постучался, выждал паузу и, так и не услышав приглашения войти, решительно толкнул дверь. Нечаев в кабинете был не один. Над его столом под углом в сорок пять градусов, но и не опираясь на полировку, склонился человек в хорошем костюме, при галстуке, и показывал, где Нечаеву следует поставить свою подпись. Начальник морщился из-под очков и что-то бухтел себе под нос. Было видно, что его явно что-то не устраивает – и в самом документе, и в поведении порученца. Однако бумагу все-таки подписал. Порученец с гаденькой улыбочкой принялся смахивать со стола просыпавшийся пепел, и тут Нечаев не выдержал:

– Ты эти замашки свои холуйские брось! Привыкли, понимаешь, в генералитете!

Порученца как ветром сдуло. Впрочем, по выражению его лица было видно, что он добился, чего хотел.

Нечаев заметил, что Козырев наблюдал за происходящим, и прокомментировал:

– Нули, стоящие после единицы, увеличивают мощь. Как сказал, а?! – от удовольствия он даже погладил себя по груди и покровительственным жестом пригласил:

– Чего в дверях жмешься? Проходи. Докладай.

– Да я вот тут, Василий Петрович, рапорт принес.

– Надеюсь, не на увольнение?

– Не, на матпомощь.

– Ого! – неодобрительно крикнул начальник. – Молодой, да ранний. Сколько ты у нас работаешь?

– Почти два месяца, – с тоской в голосе ответил Козырев, чувствуя, что ему в этом кабинете сегодня вряд ли что-то обломится.

– Вроде как рановато еще для материалки-то. Ладно, давай свою рапортину, почитаем.

Козырев протянул начальнику рапорт. Нечаев протер носовым платком очки, взял бумагу, пробежал по диагонали и поморщился.

– Ты всегда такой искренний и честный? Или только при общении с начальством?

– Всегда, – ответил Козырев, не совсем врубаясь в суть вопроса. – А что?

– Да так, собственно, просто хотел уточнить, – сказал Нечаев и начал читать Пашино сочинение вслух: «Начальнику Седьмого отдела ОПУ полковнику милиции Нечаеву В. П. от оперуполномоченного Седьмого отдела Козырева П. А. Рапорт. Прошу Вас рассмотреть вопрос об оказании мне материальной помощи в связи с тяжелым финансовым положением, в котором я оказался по вине хозяина снимаемой мною в поднаем комнаты, внезапно потребовавшего внести оплату за несколько месяцев вперед». М-да... Приятно осознавать, что хоть кто-то в нашей конторе знает подлинного виновника своего тяжелого финансового положения. Я вот, например, до сих пор не знаю, а знал бы – своими руками придушил. Но ведь не на Чубайса же валить, в самом деле?... Да, кстати, ты ведь у нас, кажется, парень местный, питерский?

– Местный, – обреченно вздохнул Козырев, понимая, куда клонит начальник.

– Прописочка, значит, есть. И папа-мама имеются?

– Есть, имеются.

– Ну и на хрена тебе эти, с позволения сказать, понты? Чего тебе дома-то не живется? Или ты, когда в кадрах контракт подписывал, думал, что там сумма твоего жалованья в у. е., а не в рублях обозначена? Тоже мне гусар-схимник выискался.

Паша Козырев молчал. Да и в самом деле, не станешь же объяснять начальству, что жил он отдельно от родителей, потому что метров у них в квартире на бульваре Новаторов было маловато, а тут еще и старшая сестра вышла замуж. Сестру Паша любил, ее мужа – нет, а тот жил у них. Такой вот, не любовный, но житейский треугольник. Обычная незатейливая схема. «Все, не даст денег», – подумал Паша и ошибся. Василий Петрович Нечаев был мужик вспыльчивый, резкий, порою даже грубый, но зато отходчивый. А еще он был про-

сто хорошим мужиком и всегда горой стоял за своих людей, за что разведчики его любили и уважали безмерно. Причем все. Или, скажем так, почти все. Тот же замполич, к примеру, постоянно строчил на Нечаева кляузы и доносы. Хотя, с другой стороны, а что оно такое – замполич? Да, собственно, и не человек даже. Так, недоразумение ходячее.

– Ладно, проехали, – вдруг неожиданно произнес Нечаев. – Материалку для тебя я постараюсь выбить, вот только эту цидулину свою ты, брат, все-таки перепиши.

– А как переписать? – не понял Паша.

– Блин, Козырев, не зли меня, слышишь?.. Как-как? Напиши, что деньги на лекарства нужны, мол, дядя в Тамбове помирает – ухи просит... У ребят поспрошай – они тебя научат, как правильно слезу из бухгалтерии выжимать. А то... Он честно, видишь ли, написал. Вы бы лучше сводку честно отписывали, а то такой пурги понагонят. Как со Стручком на прошлой неделе...

– А что со Стручком? – осторожно спросил Козырев. Дело в том, что Стручка, который проходил свидетелем по делу банды Андрея Тертого, в одну из смен на прошлой неделе таскал и он.

– А то ты не знаешь? Кто отписал, что объект целый день из дома не выходил? А объект в это время с пламенной речью в городском суде три часа без передышки языком молотил, а потом до вечера хрен знает где по городу шарился. А?

– Так это же не в нашу смену было, – начал было оправдываться Козырев.

– Знаю, что не в вашу! Если бы в вашу – я бы тебе твое тяжелое финансовое положение так бы утяжелил, что... Ладно, проехали. Скажи-ка мне лучше, как там Гурьев? Соки из вас с Ляминам выжимает?

– Нам на пользу! – козырнул Павел.

– Ну-ну! Приятно слышать. Значится так, Павел... э...

– ...Александрович.

– Значится так, Павел Александрович. С сегодняшнего дня твое место в машине исключительно на переднем сиденье справа. Ногами не ходить – пусть Лямин бегаёт, да и Нестерову, черту лысому, не худо старые косточки поразмять. Твоя задача – фиксировать все, что делает Гурьев. Фиксировать и запоминать. Задача ясна?

– Не совсем, – вынужден был признаться Козырев.

Нечаев пошуршал бумагами и выудил одну из них.

– Неприятный разговор у меня был с ним вчера. Хотя, признаться, я этого разговора уже давно ждал. В общем, так – Гурьев рапорт написал, – Нечаев раздраженно отпихнул этот самый рапорт, достал сигарету, затянулся. – Ая гурьевский характер знаю. Раз пошел на это, значит всё, спекся человек. Теперь его, согласно инструкциям, надо было в гараж перевести, на две недели хозработ. Но я с нашим руководством договорился, да и сам Антоха не против... В общем, оставшиеся десять дней он на линии отработает, чтобы тебя еще малехо поднатаскать. Потому и говорю – с сегодняшнего дня внимай Гурьеву аки пророку Исайе. Две недели пройдет, придется самому за баранку садиться, хватит уже порожняка гонять. Текут усек?

– Усек, – ответил Козырев, в душе которого в данную минуту смешались два противоположных чувства. С одной стороны, радость, что наконец-то пришло время серьезной самостоятельной работы, с другой – горечь, что так мало успел поработать и совсем не успел сдружиться с Антоном. – А в смену четвертым кто пойдет?

– Баба пойдет, – буркнул Нечаев.

– Какая баба?

– Баба как баба. Обыкновенная. Блондинка, рост метр семьдесят, бюст номер... не помню какой... второй, наверное. А может и третий, – мечтательно задумался было Нечаев, но тут же осекся, заметив заинтересованный взгляд Козырева. – Еще вопросы будут?

– Нет.

– Ну тогда все. Свободен... Хотя нет, подожди. Я Нестерову уже говорил и тебе сейчас повторю. Сегодня работаете серьезно, груз непростой, в движении и не совсем по нашей линии. К чему я это? А чтоб проникся. Короче: груз с утра приняли на границе, под Выборгом. По информации, объект встречается со связями, едет с ними в Питер, общается, расстаётся. Возможно, затем едет обратно, но обратно нас не колышет. Главное: фиксируем – встречается, расстаётся. После этого заказчик будет крепить.²⁰ Ты, Паша, запомни, и Лямину вашему, кстати, тоже мои слова донеси: дело очень серьезное. Поверь мне, я не преувеличиваю. И на руководство наше вчера выходили, да и я этого парня знаю – сам по молодости за ним дважды ходил. И дважды терял! Он нам все рамсы попутать может, – закончил Нечаев, пародируя блатных.

– А он кто?

– Ну, если одним словом, то – сука. А еще Ташкентом его кличут. Говорят, он сейчас заматерел, в Финляндии живет – оттуда и на побывку едет. Но он и без прозвища петлять будет – это у него в крови. Понял?

– Понял, – серьезно согласился Козырев.

– Да, и вот что еще! – добавил Нечаев. – Я знаю, вы молодые, охочие до погонь, так вот: Ташкент в Швеции мог десять лет получить за убийство Пухлого... Но не получил... Я это к тому, что крепить будут опера, ваш номер шестой...

Ясно?

– А сколько отсидел?

– Я же сказал – мог, но не получил. Ты чем слушаешь?... Так тебе ясно?

– Ясно. Но ведь мы и так по приказу задерживать права не имеем...

– По приказу... На сарае что написано? Во-во! А там дрова лежат!.. Все, иди, жертва рыночного капитализма.

Козырев ушел, а Василий Петрович достал из сейфа бланк-задание на Ташкента и в очередной раз внимательно перечитал прилагающуюся к нему справку-меморандум.²¹ Не будучи сыщиком, Нечаев имел лишь несколько косвенных и личных воспоминаний о Ташкенте, тем не менее в своей характеристике, данной ему, он был абсолютно точен. Хотя надо признать, что имеющийся объем информации о Ташкенте, конечно же, ничтожен по сравнению с тем, что было о нем неизвестно. С 1989 года в отношении Ана Альберта Максимовича, 1970 года рождения, уроженца Джамбула, разными подразделениями заводились три дела. Правда, не уголовных, а оперативных: в 1989 году 6-м отделом УУР по окраске «разбой»; в 1993 году ОРБ с окраской «вымогательство»; и, наконец, в 1995 году РУБОП – и снова вымогательство. Каждый раз оперативники проигрывали. Причины были разные, в том числе и нерадивость некоторых сотрудников, но базисная все-таки заключалась в следующем: Ташкент был жестким, дерзким и очень быстрым. Это внутренне, а с виду... с виду он был похож на... Гурьева. Разве что одевался дорого.

Для оперов старой закваски Ташкент был фигурой культовой, былинной. Внимательный человек обратил бы внимание на одну такую «не ерунду» – говорили о Ташкенте много, вспоминали еще больше, но никогда никто не рассказал что-либо, от чего можно было засмеяться. К тому же вся информация вокруг него была уважительно неконкретная.

И еще. У Ана было красивое, умное лицо с чуть азиатскими скулами и глазами. К чему это? А к тому, что никогда не верьте худым умным азиатским лицам. В начале 90-х один

²⁰ Крепить (спец. термин) – задерживать.

²¹ Справка-меморандум (спец. термин) – обязательное, как правило секретное, приложение к бланку задания, в котором приводятся дополнительные сведения в отношении разрабатываемого объекта.

катала²² сказал своему напарнику про Ташкента так: «Я с ним шпилить²³ не буду. Выигрывать не хочу, проигрывать тоже не желаю. И в доле с ним быть не хочу. И более его не приво-ди». На недоуменный вопрос он ответил: «Потому что с таким профилем ткнет в спину без размаха и, не оборачиваясь, дальше пройдет». Старый карточный шулер говорил верно. Он знал, что когда не удастся карточный фокус, то можно оказаться смешным. А когда не удастся обман в игре на серьезные деньги, то можно оказаться утопленным в ближайшем арыке с перерезанным горлом.

В этот день инструктаж получился недолгим. Так бывает всегда, когда наружке ставится задача подвести объект под задержание. Особо рассусоливать в таких случаях нечего. Ежу понятно, что главное здесь – не потерять. Все остальное (фотосъемка, фиксация связей, установка их адресов и прочее) желательно, но, в принципе, не обязательно. Смене раздали, как всегда, хреновые фотографии Ташкента, задиктовали его контейнера²⁴ и телефоны заказчика, еще раз предупредили – объект вертлявый, так что работать его нужно предельно аккуратно. «И не таких крепили», – заворчал было Гурьев, однако Нестеров, который так же, как и Нечаев, был в курсе послужного списка Ташкента, его одернул: «Вы эти свои понты, господин дембель, бросайте», а про себя добавил: «На самом деле ТАКИХ, может быть, мы еще и не крепили».

Как и предсказывал заказчик, в Выборге Ташкент сделал остановку у гостиницы «Дружба». Здесь к нему в машину подсел человек, после чего они вдвоем на весьма приличной скорости двинулись в сторону Питера. По Выборгской трассе в две машины их тянули смены багалура и выпивохи Кости Климушкина и бессменного старшего опера Николая Григорьевича Пасечника. Где-то в северной части города экипаж Нестерова должен был присоединиться к этому почетному кортежу и сменить ребят Климушкина – те колесили за Ташкентом аж с половины седьмого утра. В полной боевой амунии (радиостанции, сумки с фототехникой, предметами маскировки и дежурными бутербродами) Лямин и Козырев вышли из конторы и направились к стоянке оперативного транспорта. Нестеров и Гурьев задержались в дежурке – получали стволы. К стволам по инструкции выдавались кобуры. Их получали, расписывались, а потом складывали в багажник – Нестеров пользовался собственной, старой, подмышечной, которая была много удобнее поясной, Гурьев же, в нарушение всех приказов, кобурой не пользовался вовсе, предпочитая хранить табельное оружие в машине, в бардачке.

Вооружившись, Нестеров и Гурьев неторопливо покинули контору и двинулись вслед за ребятами к машине. Согласно последней настроечке²⁵ дежурного, Ташкент еще только проезжал Зеленогорск, так что торопиться особого смысла не было. Все равно дальше Питера те никуда не денутся, а Питер – город маленький, так что успеется. По дороге закурили и некоторое время шли молча. Первым не выдержал Нестеров:

– Ну и скотина же ты, Гурьев. Это ж надо! Мало того что подлянку устроил, так еще и время самое то подгадал...

– Сергеич, прошу тебя, вот только не начинай. И так на душе погано...

– Ах, какие мы сегодня утонченно-нежные! На душе у нас погано, а тут еще и я со своим говнищем, как же... В белое, значит, решил переодеться? С «девятки» на «шестисотый» перескочить? Ай, молодца! Ну давай, действуй! А горшки за молодыком нехай Нестеров один выносит. А что? Ему же все равно, он же у нас приняухамшись...

²² Катала (блат. жаргон) – шулер, профессиональный карточный игрок.

²³ Шпилить (блат. жаргон) – играть в карты.

²⁴ Контейнер (спец. термин) – госномер автомашины.

²⁵ Настроечка (спец. термин) – местонахождение экипажа в запрашиваемое дежурным либо другой сменой время.

– Блин, Сергеич, ну какого ты... Ты же все понимаешь. К тому же я и раньше говорил, что подумываю уходить...

– Подумывал он! Штирлиц подумал, и ему понравилось, так, что ли?.. Когда ты мне это говорил? Где говорил? В Аптеке²⁶ после смены? На проводах Полянского? Так у нас каждый второй, когда «со стаканом во лбу» уходить собирается – кулаками в грудь колотит, д'Артаньяна из себя корчит. И что из того? Если хочешь знать, я сам раз эдак сто собирался, два раза даже рапорта на стол Нечаеву подкладывал. А все оттого, что тоже, как ты вот, «подумывал»... А ты поменьше думать не пробовал? Говорят, очень помогает...

– Сергеич, не заводишься. Тебе хорошо говорить, когда всего семь месяцев до двадцати пяти календарей осталось. А мне-то что здесь еще ловить?

– А ты меня моими календарями не попрекай. Мне, знаешь ли, как-то монопенисуально, сколько их там – двадцать пять или тридцать пять. У меня из конторы только два пути: или ногами вперед, или под зад коленом. Третьего – не дано. И не потому, что я весь такой по жизни правильный. Просто я ничего другого больше не умею – сорок два года прожил, да так и не научился... Такой вот малость на голову долбанутый. Зато звучит гордо – разведчик!

– Только что и звучит, – усмехнулся Гурьев. – Знаешь, мне один знакомый в Главке когда-то сказал, что наша служба – это ментовский пролетариат, которому нечего терять, кроме своих упырей. Так вот я за свою службу маханул²⁷ не так уж много объектов, зато вот себя за эти шесть лет, кажется, где-то по дороге потерял.

– Красиво излагаешь, Антоха, – прямо как в кино. Извини, не могу тебе так же красиво ответить – все больше неприличные слова на ум лезут... Значит, говоришь, себя искать отправляешься? – неожиданно спокойно закончил свою тираду Нестеров. Выпустив пар, он как-то сразу сник. – Ладно, тогда флаг тебе в руки. Тем более что, может быть, ты и прав, Антоха. Ты еще молодой, у тебя вся жизнь впереди... Это на меня жара, наверное, так действует, вот я и раскипидарился – чисто наш замполич на квартальном совещании... Все, проехали, держи пять, – он протянул Антону руку. – Считаю, что я тебе ничего не говорил. Просто расстроил ты меня, понимаешь, хуже некуда, вот я и сорвался, нарушив тем самым старую оперскую заповедь № 4, которая, если ты еще помнишь, гласит...

– «Не знаешь – молчи! Знаешь – помалкивай!» – отчеканил Гурьев.

– Моя школа! – искренне восхитился Нестеров. – Ладно, давай, двинули. А то, я смотрю, там наши юнкера совсем заскучали, ажно копытами землю бьют. Кстати, Антоха, действительно давай-ка сегодня по возможности красиво все сделаем – пацаны под задержание еще никогда не работали. Так что если что – поможешь?

– О чем речь, Сергеич, все сделаем в лучшем виде. Никуда это эСэНГэ от нас не денется, – успокоил старшего Гурьев.

Темно-синяя «девятка» с позывными «735», пробиваясь сквозь уличные заторы, катила в направлении северных районов города. Как и было приказано, на переднем сиденье рядом с Антоном сидел Паша Козырев. Нечаев поставил ему задачу фиксировать все действия оперативного водителя, но поскольку смена пока двигалась без объекта, Паша развлекался тем, что фиксировал количество нарушений ПДД, которые Гурьев совершал в пути следования. За неполные двадцать минут таковых набралось уже двенадцать, при том что мелкие фолы Козырев даже не засчитывал.

²⁶ Аптека (жарг) – рюмочная, работающая с семи утра до одиннадцати вечера. Столь удобный режим позволяет всем нуждающимся сотрудникам «лечить голову» как до, так и после смены.

²⁷ Маханул (проф. жаргон) – потерял.

Сзади сидели погруженный в свои, никому не ведомые, думы мрачный Нестеров и Ваня Лямин, который беспокойно ерзал, явно порываясь задать некий мучивший его вопрос. Наконец решился:

– Антон, а вот когда рапорт на увольнение написан, то ведь все равно еще есть возможность передумать и его забрать?

Продолжая совершать чудеса на виражах, Гурьев, не оборачиваясь, хмыкнул:

– Есть такая возможность, Лямка. Только это, скорее, к Сергеичу вопрос – он у нас в таких делах большой специалист.

Нестеров поморщился, однако ничего говорить не стал, а посему Лямин продолжил терзать Гурьева:

– Может, еще передумаешь, а, Антон? Я только-только привык к вам всем, и вот на тебе... Ты ведь это, наверное, из-за денег, да? А я как раз вчера в газете прочитал, вот, даже с собой захватил, – Ваня порылся в сумке и достал изрядно помятые «Известия», – нам с января прибавить обещают. Точно. И пишут, что намного...

В любой другой ситуации Гурьев в ответ на такие речи расхохотался бы до колик – сколько на своем веку он этих обещалок пережил, пальцев на двух руках не хватит. Но из Ваниных уст это прозвучало столь искренне и трогательно-наивно, что Антон даже смутился немного. Однако вида не показал, а наоборот, довольно грубо попросил:

– Может, закончим этот базар?

Но потом все-таки не выдержал и добавил:

– Не, Лямка, я не из-за денег ухожу. Просто, понимаешь... И здоровье уже не то, и вообще... Друг меня просил, понимаешь, помочь ему надо... – Антон окончательно смутился и попытался перевести разговор в шутливую плоскость:

– Да ты не дрейфь, лучше представь, какие перед тобой теперь открываются карьерные вершины. Пашка садится за руль, а ты автоматом становишься не просто разведчиком, а заместителем старшего смены, легендарного подполковника Нестерова. И это за какие-то неполные два месяца, а?

Шутка получилась неудачной – по крайней мере, никто из экипажа даже не улыбнулся. Повисла долгая пауза, за время которой на свет появились, как минимум, еще три милиционера, после чего с переднего сиденья подал голос Козырев:

– Александр Сергеевич, а правда, что нам в смену теперь грузицу дадут? Мне Нечаев сказал, а я так и не понял – он это серьезно или пошутил?

– Правда, – вздохнул Нестеров. И было от чего вздыхать: поменять первоклассного водителя на зеленого пацана и вдобавок получить в смену молодую бабу без опыта работы в наружке – это вам не волны в тазике пускать.

– Оп-па, – заинтересованно отреагировал Гурьев. – И кто сия особа? Очередная выпускница института благородных девиц? Что, молода? Хороша собой? Ей-богу, а может, Лямка и прав – при таком раскладе не грех и рапортишку отозвать.

– Ишь, встрепенулся, – неодобрительно покачал головой старший. – Ты лучше за дорогой смотри, вон чуть «форда» не подрезал – начистят нам когда-нибудь морды за твою езду. И между прочим, будут абсолютно правы.

– Да ладно, Сергеич, не ворчи. Какие морды, господь с тобой – мы же при исполнении. Нам сейчас по инструкции можно даже парочку человек задавить и не заметить.

– Правда, что ли? – купился доверчивый Лямин.

– Ага, но только парочку, потому что трое – это уже все, состав. А двоих можно запросто списать, ребята из отдела по без вести пропавшим такие штуки легко делают... Сергеич, ты от ответа-то не уходи. Что за баба-то? Я ее знаю?

– Может, и знаешь. Ольховская Полина из установки, беленькая такая, высокая. О ней, кстати, Адамов неплохо отзывается. Вроде бы не дура, пашет наравне с мужиками, без вся-

ких там бабских закидонов. Он ее хотел было на начальника отделения попробовать, а та уперлась – ни в какую. Написала рапорт, мол, прошу перевести меня в наружку. И чего, спрашивается, ей в установке не сиделось? Ладно бы совсем соплиха была, до романтики падкая, так нет же, уже четыре года у нас работает. В общем, хрен поймешь, чего у них, у баб, на уме, а?

– Это точно, – чуть помедлив, согласился Гурьев, хотя ответ на вполне риторический вопрос Нестерова у него, похоже, имелся.

Давно это было, в самом конце года девяносто девятого. Случился тогда у Антона с Полиной ослепительно-красивый, но слишком скоротечный роман. Виноват в их разрыве был, безусловно, Гурьев, однако сам себе он признался в этом много позднее. Глупо, конечно, все получилось. Тем более что Полина была, пожалуй, единственной женщиной в его жизни, которую он действительно мог представить в роли своей жены. Не говоря уже о том, что по сравнению с той же Тамарой она была просто само совершенство.

Сколько же они не виделись? Наверное, года полтора, да и то если считать за встречу случайное пересечение в коридорах центральной конторы. Они даже не поговорили толком, но Гурьев до сих пор помнил, как потеплело тогда у него на душе... Полина... Ни до, ни после ни с какой другой (а было этих самых «других» – ой как много!) ничего подобного он и близко не испытывал. Антон подумал, что если допустить, просто теоретически допустить возможность того, что Полина умудрилась сохранить к нему хоть какое-то подобие прежнего чувства, то сейчас он обязательно постарался бы вернуть ее. Тем более теперь, когда он, наконец, принял свое решение... Впрочем, наверняка у Полины уже давно есть кто-то другой. Просто потому, что не может не быть «кого-то» у такой красивой, нежной и умной бабы. Хотя... Даже язык не поворачивается назвать ее бабой. Вот Тамару – да. Она действительно пустая и вздорная баба из той породы, про которых Нестеров обычно говорит: «Если она поедет за мной в Сибирь, то испортит мне там всю каторгу». А вот Полина... Да, но ведь зачем-то ей нужен этот самый перевод в наружку? Причем именно в их отдел?... Может быть, все-таки и можно каким-то образом войти в одну и ту же реку дважды?... «Ничего, – подумал Антон, – разберемся. Теперь нам уже спешить некуда. Разберемся...»

– Антон, ты чего, уснул там, что ли? – Голос Нестерова заставил Гурьева отвлечься от воспоминаний. – Запроси-ка еще раз точную настройку Климушкина, где они сейчас обретаются.

Гурьев нажал тангенту²⁸ радиостанции:

– Семь-три-семь, семь-три-семь, ответьте семь-три-пятому. Дайте вашу точную настройку.

Через пару секунд Антону ответили:

– Семь-три-пятому. Мы с грузом и экспедиторами по Энгельса вверх. Здесь пробочки. Стоим плотно. Ориентир – Светлановская.

– Понял вас, ориентир – Светлановская, – Гурьев отключился, взглянул вполоборота на Нестерова и, продолжая одним глазом следить за дорогой, спросил:

– Чё делать будем, Сергеич? В пробку соваться – последнее дело, так зависнуть можно, что мама не горюй. Может, попробуем по набережной продублировать, там всяко попросторней? Если Ташкент в центр подался, то у него все равно только две дороги – либо через Петроградку, либо через Финбан. И в том, и в другом случае мы его с воды быстрее примем.

– Согласен, давай на Ушаковскую. Только минут через пять снова с ребятами свяжись, а то мне потом Климушкин всю плешь проест – мы их еще полчаса назад поменять должны были. А Костя таких зависов не одобряет, сам знаешь.

²⁸ Тангента – выносная микрофонная гарнитура.

Смена подлетела к Ушаковской, движение здесь, и правда, было поспокойней. За пару минут они докатили до Кантемировского моста, после чего Гурьев притормозил и снова запросил семь-три-седьмого. В ответ раздалось невразумительное похрюкивание, а затем в эфире наступила полная тишина.

– Семь-три-семь, семь-три-семь, ответьте семь-три-пятому... Тьфу, бя, так бы беременность прерывалась, как связь! – выругался Гурьев и откинулся на спинку сиденья. – Ни хрена не слышно!

– Это, наверное, телевышка помехи создает, – решил блеснуть эрудицией Ваня Лямин. – Мы сейчас в зоне неустойчивого приема.

Гурьев скосил глаза на противоположную сторону Большой Невки. Там его внимание привлекла отнюдь не трехсотметровая созидательница помех в радиоэфире, а торчащая на Аптекарской набережной красно-белая заправка ПТК.

– Слышь, Сергеич, – немного смущаясь, начал Антон. – Мы их по-любому с запахом опередили. Разреши через речку сгонять? У меня еще талоны пэтэкашные остались, хорошо бы отовариться напоследок от щедрот государственных.

Нестеров был в курсе, что многие водители управления периодически затевали какие-то невинные, с их точки зрения, аферы с талонами на топливо, и догадывался, что Гурьев по этой части не являлся эдаким кристально чистым исключением. Конечно, по инструкции он не имел права позволять своему водителю такой борзоты – как-никак, мелкое хищение госимущества, причем в служебное время, да еще и в присутствии молодых, но с другой стороны – «А кто не льет? Назови!»²⁹

– Ладно, только давай по-быстрому. Еще не хватало, чтобы нас ответственный по управе нахлопнул. Да и настроечку почаще запрашивай – чего-то не нравятся мне эти три минуты тишины.

– Есть, командир, – откликнулся довольный Гурьев и втопил по газам. – Семь-три-семь, семь-три-семь, ответьте семь-три-пятому...

Климушкин на связь категорически не выходил. Впрочем, пока большой беды в этом не было – в конце концов, с экипажем можно связаться и через дежурного. Гурьев остановился на заправке, резво выскочил, достал из багажника две канистры (Нестеров аж при-свистнул – «м-да, широко живет партизан Боснюк!») и поскакал к заветному окошечку. Паша Козырев продолжал терзать станцию, а Лямин, воспользовавшись остановкой, вылез из машины – подышать и размяться, слишком уж душно было в салоне.

Солнце палило нещадно. Легкий невский бриз хотя и приятно охлаждал лицо, но от жары не спасал. Сколько таких денечков выпадает в Питере за год? – раз-два, и обчелся. И почему-то вечно они случаются на буднях, а как выходные – так обязательно либо дождь зарядит, либо похолодает. «Дурацкий здесь все-таки климат. То ли дело у нас в Костроме: если зима – так уж зима, если лето – то лето настоящее. Хоть целый день из Волги не вылезай», – Лямин лениво наблюдал за потоком машин, сворачивающих с Кантемировского моста на набережную. Одну из них, красную «ауди», он цепанул взглядом, инстинктивно отметив, что именно такая вроде как должна быть у Ташкента. Когда машина проезжала мимо него, Ваня заметил, что в салоне сидят два мужика. Заинтересовавшись таким совпадением, он глянул на контейнера и ахнул: все совпадало. Он замороженно проводил глазами удаляющуюся «ауди» и только потом метнулся к Нестерову.

– Александр Сергеевич, там... там Ташкент проехал! Вон та красная машина, видите?

²⁹ Переименованная Нестеровым цитата из т/ф «Покровские ворота», которую произносил Велюров (акт. Л. Броневой): «А кто не пьет? Назови!»

Нестеров взгляделся. Действительно, красная «Ауди» – правда, ни номеров, ни пассажиров уже не разглядеть.

– Ты контейнера посмотрел? Точно они?

– Вроде да.

– Так «вроде» или все-таки точно?

– Точно. Они.

– По коням, – Нестеров обернулся и свистнул Гурьеву. – Антоха, твою мать, давай бегом! Работаем!

К этому времени Гурьев успел наполнить только одну канистру. Долю секунды он обреченно смотрел на вторую, потом сплюнул, выматерился и, подхватив пустую и полную, кинулся к машине. На бегу швырнул канистры в багажник, плюхнулся на сиденье, рванул с низкого старта и только после всех этих телодвижений, натужно дыша, спросил:

– Чего стряслось-то?

– Давай вперед, на Аптекарский. Лямка вроде как Ташкента засек.

– Так «вроде» или все-таки точно? – продублировал Антон вопрос Нестерова.

– Вроде они, – ответил Ваня Лямин, который в данную минуту и сам засомневался, а не напекло ли ему часом солнышко голову. Вдруг это и правда был не Ташкент, а просто такой вот мираж.

– Ну смотри, Лямка, – сердито сказал Гурьев. – Если это не они, я тебе голову откручу. Это ж надо – талон на двадцать литров коту под хвост.

– Не трюнди, Антоха, давай-ка лучше притопи. Не ровен час уйдут, а мы и знать не будем, за кем подорвались.

– Не бойсь, Сергеич, там впереди сейчас подряд два светофора будут – на одном точно нагоним.

Так оно и случилось. На светофоре, и правда, нагнали и убедились (случится же такое!) – действительно Ташкент.

– Ну Лямин, ну орел! Молодца! Не глаз – алмаз, – крикнул Нестеров, и Ваня расплылся в довольной улыбке. В этот момент он был по-настоящему счастлив. – Ну что ж, теперь суду все ясно, – продолжил Нестеров. – Знаем мы, что это за неустойчивый прием: просрали объекта и ушли из эфира. Ладно бы Климушкин, но ведь и смены Пасечника на хвосте не видать. Интересно, это Ташкент по привычке пятками вперед пошел,³⁰ или наши его по дурости маханули? – Нестеров достал из нагрудного кармана мобильник и набрал номер Климушкина. Железное правило – о подобных деликатных вещах по станции лучше не говорить, а то дежурный завсегда шибко расстраивается (может и инфаркт от огорчения схватить).

– Господин Климушкин? Это товарищ Нестеров беспокоит. Меня терзают смутные сомнения: ваши грузчики часом ничего на дороге не обронили?.. А то мы тут подобрали, едем и гадаем – ваше или нет?.. Ой, да что вы говорите?.. Согласен, это он... Да-да, самый натуральный белый песец... Да вы что? Не может быть... Прямо по трамвайным путям? Каков наглец! А вам, значит, такой маневр не по силам?.. Ах, трамвай помешал?.. Ну, тогда это меняет дело... Мы вот тут с товарищем Гурьевым посоветовались и решили, что десяти бутылок «Невского классического» будет достаточно, дабы навсегда забыть о данном при-
скорбном инциденте... Вот и славно... Желаю приятно отдохнуть после трудов своих праведных. Только объекта вы нам все-таки официально передайте, а то как-то неудобно получается. Да, и Пасечнику настроечку скиньте – мы сейчас с Аптекарского на Попова уходим... Все, понято. Давай, Костя, счастливо.

Нестеров отключил трубу и сунул ее в карман.

³⁰ Пятками вперед (спец. термин) – объект проверяется.

– В общем, как я и предполагал – отстегнулся Ташкент. Наши из эфира ушли и по окрестным переулкам мотались, сами найти пытались.

– Он что, сразу две машины срубил? – спросил Антон, не отводя взгляда от маячившего метра в пятидесяти красного зада «Ауди».

– Не думаю. Похоже, у них там все гораздо проще получилось. Надоело ему в пробке торчать, вот он и дернулся на пути, аккуратно перед самым трамваем. А тот еще и на остановке встал. Пока наши оттуда выбирались, Ташкент направо по Кантемировской и ушел. Так что кабы не Лямка...

– Позвольте, – возмутился Антон. – По-моему, точнее будет сказать так: если бы не капитан Гурьев, грамотно просчитавший оперативную обстановку и принявший единственно мудрое в данной ситуации решение – заскочить на заправку. Кстати, если этого урода сегодня все-таки закрепят, я из его «Ауди» весь бензин солью. В счет компенсации.

– А что, так можно делать? – восхитился Ваня Лямин. – Так, может, мы у Ташкента тогда еще и стереосистему заберем? Вон у него какие классные динамики сзади стоят. А что? Музыку будем слушать.

– Ты мне молодежь-то не порть, экспроприатор хренов! А то, вишь, один меломан уже губешку-то раскатал, – проворчал в адрес Антона Нестеров, после чего повернулся к Лямке: – А ты бы лучше не музыку, а собственную станцию слушал. Вечно до тебя не докричаться.

– Не, Ваня, – хохотнул Гурьев. – Со стереосистемой, боюсь, не получится. Потому как озёрбэшники и сами не дураки музыку послушать.

– Кстати, по поводу компенсации, – продолжил бригадир. – Это касается всех. За недостойное офицера наружки поведение на дорогах, выразившееся в попрании тезиса «Не трамвай – объедем», господин Климушкин обещал нам выкатить по приезду в контору десять бутылок холодного пива. Мне кажется, будет справедливым, если такое же количество мы требуем и с господина Пасечника, невзирая на его былые заслуги перед Отечеством.

– Абсолютно с вами согласен, господин подполковник, – весело поддакнул Гурьев. В этот самый момент в эфир вышел «семь-три-седьмой» и «официально» передал груз экипажу Нестерова. О чем дежурный по отделу, слушавший все разговоры в эфире, сделал обязательную в таких случаях пометку.

Первый из последних десяти рабочих дней в конторе начинался на удивление хорошо – и объекта не потеряли, и пиво халявное заработали. «Что-то даже слишком хорошо», – вдруг ни с того ни с сего подумалось Антону, и он украдкой, чтобы не видели ребята, трижды сплюнул в открытую форточку. Вот только по дереву постучать забыл.

Экипаж Нестерова таскал Ташкента уже четвертый час. Правда, почти два из них пришлось откровенно поскучать – объект и связи вкушали трапезу. С Петроградки машина Ташкента двинула напрямиком на Невский и остановилась у культового для тусовочной братвы заведения под названием «Магриб». Там Ташкента и его связь за накрытым столиком уже поджидал некто третий. Этот самый третий заказал для всей честной компании какое-то умопомрачительно дорогое экзотическое горячее, в ожидании которого троица оттягивалась аперитивами и вела тихие душевные беседы.

Все эти подробности поведал гонец от «провинившегося» экипажа Пасечника, люди которого вели наблюдение за входом и внутри кабака. Смена Нестерова провела эти два часа в гораздо более комфортных условиях. Дабы не маячить по жаре в сутолоке Невского, Гурьев свернул на Литейный и поставил машину на прикол в тенёчке садика Мариинской больницы. Въезд туда простым смертным категорически заказан, однако магия милицейской ксивы и не такие чудеса творить может. Лямина отправили в магазин, и уже через десять минут вся великолепная четверка с удовольствием утоляла жажду прохладительными напит-

ками. Согласно своему должностному положению Нестеров пил холодное «Петровское», Гурьев – безалкогольную «Балтику», а Лямин с Козыревым вынуждены были довольствоваться газированной «Аква минерале». За все это время смену побеспокоили лишь дважды: сначала Нестерову позвонил заказчик и попросил уточнить приметы связей, а затем подошел бдительный больничный охранник и поинтересовался, а какого, собственно, они тут распивают? Охраннику доступно объяснили, что он не прав, и после этого ребят уже больше никто не тревожил.

А затем из заведения вышел Ташкент. Вышел один, сел в свою «Ауди» и двинул в сторону Васьки. На этот раз экипаж Нестерова подорвался за ним в гордом одиночестве (Пасечник со своими грузчиками остался держать в поле зрения связи, к тому же его вот-вот должны были сменить). И вот с этого момента смене скучать уже не пришлось.

Может быть, с утра в пробке на Энгельса маневр Ташкента и носил случайный характер, однако теперь, после сорока минут кружения по городу, и Гурьеву, и Нестерову однозначно стало ясно: объект проверяется. Почти час Ташкент находился в непрерывном движении, и за это время как минимум трижды его лишь чудом не маханули. В двух случаях – по причине непредсказуемых финтов объекта, а в третьем – по собственной нерасторопности. Впрочем, нерасторопности объективной. По пути пришлось-таки сделать незапланированную остановку, дабы поменять номера и хоть как-то изменить маскировку. Изменение заключалось в том, что Козырев и Лямин поменялись местами, а Гурьев напялил на себя бейсболку и снял темные очки. На большее времени не было – и с таким-то питстопом еле нагнали ушедшую далеко вперед «Ауди». А все потому, что одной машиной водить такого объекта – это полный пиздец, о чем, кстати, Нестеров и сообщил начальнику отделения. Тот пообещал снять с линии «три-семь-второго» и перебросить его на подмогу, однако когда тот сумеет добраться до них с Ульяновки – это большой вопрос. Тем более что, петляя, Ташкент постепенно уводил экипаж Нестерова обратно на север.

Пересевший вперед Лямин, недавно удостоившийся от старшего гордого звания «орла», азартно всматривался вдаль, прожигая взглядом машину Ташкента. Козырева, напротив, больше занимали действия Гурьева. А посмотреть было на что – сейчас Антон более всего напоминал гончую, преследующую добычу и не замечающую ничего, кроме этого самого следа и запаха жертвы. На какое-то мгновение Паше показалось, что он летит проходными дворами в стареньком «фердинанде», преследуя рвущегося в Марьину Рошу Фокса, и Нестеров вот-вот попросит его подержать за ноги и откроет стрельбу: «Как держать? – Нежно!!».

А старого волка Нестерова в этой ситуации беспокоило совершенно другое: он никак не мог понять логику действий заказчика. Бригадир периодически звонил на мобилу специально приданному для связи ОРБэшнику, передавал текущую настройку и интересовался одним – когда те будут крепить Ташкента? ОРБэшник настройку помечал, но каждый раз в ответ бормотал что-то невразумительное: мол, вопрос решается, а пока – тащите. Нестеров нутром чуял: что-то здесь не так, похоже, не срастается у заказчика. Тем более что уже дважды была реальная возможность произвести задержание. Сначала Ташкент миновал стационарный пост ГАИ – никакой реакции, а затем его остановили придорожные дэпээсники. «Ну, слава тебе, Господи, – подумал тогда Нестеров, – наконец-то, сподобились, вот сейчас-то ОРБ и подскочит». Ан нет, Ташкент даже из машины не вылез – сунул документы со вложенной купюрой и через минуту спокойно тронулся дальше. Более того, эти же самые дэпээсники попытались тормознуть и Гурьева. Но Антоха – молодец, даже не притормозил, показал апельсин³¹ и промчался мимо. Судя по выражению лиц, стражи дорог ни фига

³¹ Показал апельсин (спец. термин) – мигнуть фарами особым образом, продемонстрировав тем самым свою принадлежность к правоохранительным органам.

не поняли, однако преследовать смену не стали. Наверное, сообразили, что, скорее всего, для подобной наглости основания у людей имеются.

В конце концов Нестеров не выдержал – позвонил Нечаеву, но оказалось, что и тот пребывает в схожей прострации:

– Блин, Сергеич, да я сам ни хера не понимаю, что происходит! Я уже все телефоны оборвал, никто ничего толком сказать не может: будут крепить – не будут крепить? А их начальник, Еремин (ну ты его знаешь, мудака редкостный), прикинь, вообще на меня же и наехал. За то, что мы, видите ли, их барабана таскали. Оказывается, тот третий в кабаке – это был их человек. А мы, бля, дураки, почему-то типа не дотумкали. Конспираторы, едри их!.. Как тебе такой расклад, а?

– Хреновый расклад, Василий Петрович. Только нам-то что делать? Мы Ташкента уже скоро до Озерков дотащим. А вдруг он обратно в Финляндию собрался? Что ж нам, теперь его до самой границы тащить, а там таможенникам на руки сдавать?

Нечаев ненадолго задумался, а потом решительно ответил:

– Значит, делаете так, Сергеич. Ведете его до первой серьезной остановочки и сразу же даете подробную настройку. Если в течение десяти, максимум пятнадцати минут объект будет без движения, а заказчики так и не появятся – то всё. Бросайте его к чертовой матери! Тоже мне, нашли мальчиков на побегушках! Пусть сами в своем хозяйстве разбираются! Ты все понял, Сергеич?

– Понял, Василий Петрович. Еще один вопрос – нам полчаса назад в помощь вроде бы как «семь-три-второго» обещали...

– Да только что с ними связывались – передали, что едут. Но там у них на руле сегодня Клязьмин, ты же сам знаешь, что это такое.

– А, наш «Небесный тихоход»? – улыбнулся Нестеров. – Ну, тогда все понятно. Ладно, не переживайте, Василий Петрович, все сделаем... До связи.

Бригадир отключился и кратко пересказал смене новые вводные начальства.

– Как же так? – возмутился Лямин. – Мы его столько времени гоняли, а получается, что все зря?

Гурьев устало усмехнулся:

– Да, уж ты-то, Лямка, точно – нагонялся. Небось совсем перетрудился, а?

– Но это же я так, вообще... ну, в фигуральном смысле, – стушевался Ваня.

– Вот тебе заказчики фигу-то и показали... Меня больше другое занимает. Слышь, Сергеич? А что если он и правда останавливаться не будет? Нам бы заправиться не мешало, а то на обратной дороге и встать можем. Я уж молчу о том, что поссать тоже было бы неплохо.

– Меньше надо было пива пить, если мочевого пузырь слабый, – раздраженно ответил Нестеров. Ему тоже не слишком нравился предложенный Нечаевым сценарий, жаль было отпускать Ташкента. – А если на обратной дороге, как ты говоришь, встанем, так у тебя в багажнике целая канистра лежит. Вот и зальешь.

– Ну уж, дудки, товарищ бригадир, не надо смешивать личное с общественным, – заявил Антон. – И вообще, давайте лучше подумаем о хорошем. О том, что Ташкент, к примеру, сейчас возьмет да и попадет в аварию. Или снимет на дороге проститутку. Ну, на худой конец, тоже захочет отлить... Ну, что же ты, Зорька, ну... стоять... слышишь?..

Мольбы Гурьева были услышаны. Через пятнадцать минут на проспекте Луначарского «Зорька» действительно встала – Ташкент припарковался на стояночке аккуратно за супермаркетом «24 часа». Он вышел из машины, внимательно осмотрелся и направился к магазину. Экипаж «семь-три-пятого» облегченно вздохнул, а бригадир автоматически бросил взгляд на часы и стал набирать номер заказчика. Время пошло.

В магазин Ташкента потащил Козырев. Он побежал за ним, сопровождаемый насмешками – мол, чтоб в этот раз улов получился не хуже, чем в случае с Пингвином. Остальные остались в машине – наблюдали за стоянкой, а также секли проезжую часть на случай, если придется оперативно сориентировать группу задержания. С этой точки выход из супермаркета им не был виден, зато «Ауди» Ташкента просматривалась прекрасно.

Прошло двенадцать минут – заказчики не появлялись. За это время Паша выходил на связь только один раз. Доложил: объект выбирает продукты. Нестеров снова взглянул на часы:

– Ну что ж, похоже, на этом наша миссия подходит к концу.

– Сергеич, – попросил Гурьев, – набери еще раз заказчика, вдруг они уже где-то на подходе?

– Да я минут пять как набираю – бесполезняк, занято постоянно. Вот уж воистину секс по телефону – затрахали они меня за день, дальше некуда.

– Обидно будет все-таки, если они прискачут, а Ташкент только-только уедет... Слышь, Сергеич, может, мы его еще немного потаскаем, так, для очистки совести, а? Помнишь, как у нас с «комаровскими» получилось? Собровцы тогда всего на одну минуту опоздали, а тех уже и след простыл...

– Антон, давай не будем заниматься самодеятельностью. Нам начальство приказало – мы исполняем... Все, время вышло: оэробэшников нет, значит, Ташкента отпускаем. И не смотри ты на меня как на врага народа. Думаешь, мне это все нравится? Но нельзя нам уже его больше водить. Расшибет он нас. Если уже не расшиб.

Внезапно Гурьева осенило.

– Ванька, у тебя нож есть?

– У меня нет, а у Пашки в бардачке, кажется был. Правда, маленький, – недоуменно ответил Лямин. Он порылся в карманах и извлек складной китайский ширпотреб. – А зачем?

– Хиловат, конечно, – задумчиво произнес Гурьев, рассматривая лезвие. – Ну да ничего, может, и такой сойдет.

Он повернулся к Нестерову и улыбнувшись спросил:

– Ну что, бригадир, если коней в шампанском купать не будем, то давай хоть кота пивом обольем, а?

– А стоит ли? – засомневался Нестеров.

– О чем разговор, Сергеич? Конечно, стоит. Во-первых, еще как минимум полчаса выиграем. Может, за это время наши любезные заказчики все-таки промычат и отелятся. А во вторых, я сегодня по его вине так замудохался, что ни рук, ни ног уже не чую. Так пускай теперь и он, зараза, помудохается, а я тут в стороночке полюбуюсь.

– Вы что, хотите ему шину проколоть? – догадался наконец Лямин.

– Вы чрезвычайно сообразительны, юноша. Именно шину. А если успеется, то можно и две. Ну что, Сергеич, делаем? Давай решай быстрее, пока не вернулся еще.

– Черт с тобой, делаем, – сдался Нестеров.

– Класс! – восхитился Иван, выхватил у Гурьева ножик и открыл дверцу машины. – Я мигом. Можно ведь любое колесо протыкать? – и, не дослушав ответа, метнулся было к «Ауди».

– А ну быстро назад! – крикнул ему Гурьев и стал вылезать из машины сам.

– Ты чего, Антоха? – не понял Нестеров.

– Не знаю, Сергеич, – чуть помедлив, ответил Антон. Он и правда не знал, почему затормозил Лямку. Что-то неясное, тревожное кольнуло вдруг в груди и тут же улетучилось, оставив едва ощутимый след. – Не знаю, Сергеич, но... лучше я сам.

Гурьев и сам не понял, что это было. И не найдя ему объяснения, он тут же придумал для себя другое: «Негоже туда Лямина, самого хилого и неопытного, посылать. Вдруг

не сростется? Ну а по харе получить он всегда успеет – какие его годы?» Антон вышел из машины, ничего не объясняя, отобрал у Лямина нож и неторопливо пошел на стоянку, до которой было метров семьдесят. Иван и Нестеров молча наблюдали за ним: вот Антон подошел к «Ауди», вот он нагнулся, заглянул в салон, выпрямился, подошел к багажнику, подергал – нет, не открывается. В эту самую секунду раздался пронзительный двойной тональный сигнал – это Козырев сигнализировал о том, что объект выходит. Сигнал прозвучал так внезапно и громко, что от него невольно вздрогнули и Нестеров, и Лямин. Один лишь Антон остался спокойным. Нет, он вовсе не обладал железными нервами. Просто Гурьев был оперативным водителем, а водители, в отличие от остальных грузчиков, никогда не пользуются носимыми станциями – на работе им достаточно той, что установлена в машине.

Антон увидел Ташкента слишком поздно. Конечно, после этого он молниеносно сжался и присел на корточки, благо в этот момент находился за машиной объекта. Однако Гурьев понимал, что в такой ситуации шансы остаться незамеченным не слишком велики. «Ой, бя, как по-дурацки все получилось», – подумал Антон и чуть ослабил брючный ремень. Он уже принял решение: в случае если Ташкент все-таки заметил и подойдет, он попробует закосить под прохожего придурка, которого на улице застиг приступ внезапной диареи. Отмазка, конечно, дебильная, но ничего умнее в голову почему-то не приходило.

Ташкент Гурьева, конечно же, заметил. Заметил и сделал надлежащие выводы: в очередной раз предчувствия, как поется в известном мультфильме, его не обманули. Сначала Ташкента насторожило поведение собеседника в «Магрибе». Тот вел себя излишне суетливо и неоправданно нервно, хотя при намечавшемся раскладе, скорее, это ему, Ташкенту, пристало бы дергаться и торопить события. Разговора не получилось. Вернее, не получилось делового разговора. Ташкент оставил братков доедать баранью ногу, а сам вышел и решил просто покататься по городу, дабы спокойно проанализировать сложившуюся ситуацию – ему всегда лучше думалось за рулем. Однако именно во время этой бесцельной поездки по городу Ташкент вдруг испытал тревожное чувство близкой опасности. Он попытался это чувство развеять, совершил несколько своих коронных проверок, никакого хвоста при этом не заметил, но странное дело – тревожное чувство его все равно не покидало. Ташкент не верил в мистику. Он уже давно убедился – чудес на свете не бывает, а потому в жизни всегда опирался исключительно на здравый смысл и холодный анализ.

Ташкент вовсе не собирался сегодня возвращаться в Финляндию. У него было где остановиться в Питере (уютная комнатка с окнами на тихий, хорошо просматриваемый дворик в самом центре, неподалеку от Невского), и в северную часть города он подался, в общем-то, случайно, просто влекомый попутным потоком. А на проспекте Луначарского притормозил по двум причинам: во-первых, нужно было дать немного отдыха затекшей спине (слишком долго находиться в машине Ташкент не мог – начинали сказываться последствия одной веселой вечеринки, с которой он удалился, унося в собственном позвоночнике воровскую заточку), а во-вторых, он хотел окончательно убедиться в отсутствии хвоста. С этой целью он и отправился побродить по супермаркету, где наметанным глазом срубил Козырева – слишком уж назойливо тот пожирал его глазами. Естественно, Ташкент не испугался, а, скорее наоборот, обрадовался тому обстоятельству, что причиной его тревоги была не какая-нибудь дурацкая фобия или паранойя, а природный инстинкт. Звериный инстинкт. Он вышел из магазина, так ничего и не купив, и направился к стоянке. В этот момент ему было дико интересно, проявится ли пацан снова или теперь на арене объявится кто-то другой. Ташкент еще не понимал, кто ведет за ним слежку – может быть, старые враги, может быть, братва, жулики или просто шпана из числа охотников на красные «Ауди». Но срисовав на стоянке Гурьева, весьма нелепо выглядевшего в своей попытке зашхериться за его машиной, Ташкент почему-то сразу понял – это менты.

На самом деле в данной ситуации для Ташкента это был, пожалуй, самый лучший вариант – ничего не могли вменить ему менты. Элементарно придрататься, наехать по принципу «авось прокатит» и то не к чему – чист был сегодня Ташкент перед российским законом. Ну а грешки перед чухонцами – это, ребята, извиняйте, не по вашему ведомству. Однако уж столько к тому моменту накопилось у Ташкента злости и к своим, и к заморским мусорам, уж так велика была его ненависть ко всем тем, кто вставал на его пути, что в последние дни он с превеликим трудом сдерживал в себе желание дать волю самым жестоким своим эмоциям. И вот, случайно срубленный и абсолютно не опасный сегодня милицейский хвост стал для Ташкента той самой последней каплей.

Он неторопливо подошел к машине, остановился и намеренно выждал паузу, дабы окончательно развеять все сомнения – если менты все-таки намереваются его задерживать, то именно сейчас, по идее, и должны были появиться размахивающие стволами оперативники либо омовцы. В таком случае лучше подчиниться сразу – отпустить-то потом отпустят, однако прическу попортить могут основательно. Но никто к Ташкенту не подскочил, не заорал благим матом и не стал заламывать ему рук. Не дернулся и тот, кто сидел сейчас, согнувшись в три погибели, за его машиной, – видно, очень уж не хотелось ему светить себя перед Ташкентом.

А тот между тем с трудом сдержал себя, чтобы не расхохотаться в полный голос. Ему вдруг вспомнилась старая зековская насмешка: «Какая статья? – Шоферская. – Это как? – Да неправильно задом сдал». Ташкент завел машину, включил заднюю скорость, отпустил сцепление и резко тронулся назад, втопив по газам. Глухой удар в стену, самортизированный о невидимую мягкую преграду да негромкий вскрик, сопровождаемый хрустом, свидетельствовали о том, что жертва не успела вынырнуть из опасной зоны. Ташкент выжал сцепление, включил передачу и рванул с места вперед, бросив взгляд в зеркало заднего вида на распластанное вдоль стены тело человека, заходящегося в последней агонии. В своей жизни Ташкент видел немало смертей, а потому лишь одного беглого взгляда ему было достаточно, чтобы понять – мужик больше не жилец. Он вылетел со стоянки, более чем удачно проскочил под желтый свет и, смешавшись с потоком машин, понесся прочь. Секундою раньше капля за каплей вытекла и закончилась жизнь капитана Гурьева.

И был шок. И была масса каких-то бесполезных, маловразумительных действий. Наконец-то добрался до места «семь-три-второй» экипаж, практически вслед за ним примчались Нечаев с гласниками и дежурным по управе. Затем появились гаишники и уже совсем необязательная «скорая помощь». Была типичная для таких нетипичных ситуаций суэта, неразбериха, истерика и брань. Кто-то давал отмашку для введения плана «Перехват», кто-то матерился по телефону, кто-то нервно курил, стараясь не смотреть в ту сторону, где в луже крови лежал человек, который еще несколько минут назад был молодым, красивым, а главное, полным жизни. Чуть поодаль выворачивало наизнанку захлебывающегося слезами и рвотой Лямина. Был звонок на мобилу Нестерова от заказчика, который только теперь окончательно разобрался в своих многоходовках и сообщил, что сегодня крепить объекта представляется нецелесообразным...

После того как тело Гурьева погрузили в «скорую» и повезли на Екатерининский, 10, бригадир подошел к отрешенно сидящему на земле Козыреву и, положив ему руку на плечо, негромко спросил:

– Машину вести сможешь? Паша молча кивнул.

– Тогда давай бери Лямку и поехали. Хватит. Не нужно здесь больше. Слышишь меня?

Козырев снова кивнул, медленно поднялся и побрел за Ляминым...

...Темно-синяя «девятка» медленно катила по Петровской набережной. Смена возвращалась на базу в полном молчании. Лямину хотелось плакать, но он был убежден, что делать

этого было нельзя. Иван еще не знал, что в жизни каждого мужчины встречаются моменты, когда плакать незасторно. Нестеров достал беломорину, нервно помял ее пальцами, отчего она раскрошилась и порвалась. Он полез в карман за другой, и в этот момент, в который уже раз за сегодня, у него зазвонил мобильник:

– Сергеич! Вы че там, на свехурочные остались, что ли? На часы-то смотрите или как? Учти, еще полчаса вас жду, а потом домой поеду... Пиво, между прочим, уже совсем теплое – у нас в дежурке холодильник накрылся.

– Мы едем, Костя, уже едем, – бесцветным, абсолютно лишенным каких-либо эмоций голосом ответил Нестеров.

– Слышь, Сергеич, – продолжал Пасечник. Судя по его жизнерадостному тону, как минимум парочку пива к этому времени он уже успел оприходовать. – Попроси Гурьева, чтобы на Садовой тормознулся. Там есть подвальчик, Антоха знает, где торгуют офигительным вяленным толстолобиком. Пусть подорвется, возьмет пяток, хорошо?..

Ответа Пасечник не услышал. Последующие попытки набрать номер Нестерова ни к чему не привели – тот по непонятной причине отключился. «Вот ведь жмотье», – обиделся Пасечник и открыл очередную бутылку. В самом деле – если человек случайно по службе запарол небольшого косяка, то это еще не означает, что теперь соседний экипаж может из него веревки вить.

Глава вторая Полина

*...Принимать филеров надо с большою осторожностью, при сомнении – новичка испытать, выдержав его в отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер на основании данных общения его с другими служащими...
Из Инструкции по организации филерского наблюдения*

По мнению окружающих, потенциальный кандидат в экипаж Нестерова Полина Ольховская была девушкой со странностями. Эти странности заключались в следующем.

Во-первых, будучи дочерью весьма почтенных и состоятельных родителей, она мало того что бросила филфак университета и поступила в школу милиции, так еще и умудрилась, закончив последнюю, действительно пойти работать в ментовку. Это безумие можно было бы назвать девичьей блажью, однако Полина, к удивлению родных, не перебесилась и вот уже пятый год продолжала служить в ОПУ.

Во-вторых, к своим двадцати пяти годам Ольховская еще ни разу не сбегала замуж, что (при ее-то внешности!) выглядело по меньшей мере подозрительно. И бог-то бы с ним, с замужеством, однако вела она себя при этом, с точки зрения коллег, абсолютно по-свински: подбивавших клинья мужиков из отдела держала на почтительном расстоянии, а про мужиков на стороне, ежели таковые вообще имелись, распространяться категорически не желала. Вполне естественно, что это серьезно било по самолюбию остальных установочных дам, которые на протяжении нескольких лет предпринимали безуспешные попытки втянуть Полину в свой бабий мирок. Словом, «нормальные» люди себя так не ведут.

Следует признать, что в чем-то окружающие были правы – Полина действительно была девушкой взбалмошной, но в то же время еще и очень замкнутой. Окончив школу с золотой медалью, она без проблем поступила в универ, за первый курс неплохо овладела финским языком, после чего твердо решила: ей этого достаточно. Двух семестров в коллективе, где на десять тупых, сексуально озабоченных блатных девиц приходилось по три таких же мальчика-мажора и по одному ботанику-неврастенику, хватило, чтобы учеба ей вконец опротивела. Так что в один прекрасный день, никому ничего не сказав, она просто пошла и забрала документы. Преподаватели недоумевали, мама пила валерьянку, а Ольховская тем временем поступила на банальные курсы компьютерных пользователей. И неизвестно чем бы все это закончилось, если бы не родной дядя, бывший полковник милиции, не уболтал ее поступить хотя бы в Стрелку – какое-никакое, а все ж таки юридическое образование. Странное дело – почему-то Полина дядю послушалась, но кто ж знал, что в конечном итоге все сложится еще хуже? И что спокойной работе в какой-нибудь нотариальной конторе она предпочтет службу, даже название которой вслух произносить строжайше запрещено? И даже страшно подумать, чем они там занимаются!!!

А ТАМ Полина и ее сослуживцы: занимались проведением автономных разведывательно-поисковых мероприятий, официально именуемых «оперативной установкой» (на сленге силовиков – «ульяна»). Если наружка – это глаза и ноги милицейской разведки, то установка – ее язык и уши. Сотрудники отдела установки, которых по штатке на порядок меньше, нежели тех же «грузчиков», считают себя элитой и белой костью разведки. И, надо сказать, не без основания. Как правило, в эту службу принимают людей интеллектуально развитых (желательно с высшим образованием), психологически устойчивых (что в наши дни большая редкость) и со специфическим (назовем это так) образом мышления. Ну, и чем не элита? Однако же и пашет это элитарное подразделение как трак-

тор, причем большую часть своего рабочего времени «ульянщики» действительно проводят «в поле»: по заданиям заказчиков мотаются по местам жительства или работы лиц, представляющих оперативный интерес, и через соседей, сослуживцев и иных источников собирают информацию об объектах милицеских разработок, используя при этом легенды зашифровки и документы прикрытия. Работа эта тяжелая, выматывающая, а порой и опасная – получить в башню как нечего делать! Впрочем, такие штуки, к счастью, случаются довольно редко.

Вот такой, неблагодарной и не шибко престижной в понимании простых обывателей, службой и занималась капитан милиции Полина Ольховская – непутевая дочь вполне путевых родителей.

В этот день Полина пришла в свою контору пораньше. В самое ближайшее время должен был состояться перевод на линию, а потому в любой момент начальство могло ее дернуть для передачи дел. А за ней между тем числился маленький должок в виде нескольких исполненных, но еще не отписанных установок.

Три маленькие³² Полина оформила менее чем за час, а вот с четвертой пришлось повозиться. Четвертая установка относилась к разряду так называемых камеральных – это когда разведчик не выезжает за информацией по месту жительства объекта, а отписывает тему прямо на рабочем месте. Ясное дело, что подобные вещи, мягко говоря, не поощряются ни руководством, ни заказчиком, но и «ульянщик» – воробей стреляный, он на этих установках собаку съел. Поди докажи, что он и правда в адрес не ходил, соседок не очаровывал и сигаретами местных хануриков не угощал. Ну а бумага, она, как известно, и все стерпит, и не проболтается. Камеральные установки сочиняются, к примеру, тогда, когда объект, с точки зрения ментов, не представляет из себя ничего выдающегося и установка на него выписывается исключительно по формальным признакам – чтоб было. Опять же есть круг лиц, на которых установки делаются с определенной периодичностью из года в год, а посему они, как правило, похожи друг на друга как близнецы-братья (живет, блюдет, жену не бьет, сосед – наркот, сам пьет/не пьет). Наконец, случается так, что «ульянщик» просто физически не может выехать в адрес – либо по работе полный завал, а сроки поджимают, либо накануне перебрал лишку и сама мысль о поездке куда-либо общественным транспортом вызывает в организме тревожные позывы.

В данном конкретном случае у Полины имела место «камеральность» первого типа. Задание на установку в отношении Камышина Евгения Алексеевича, 1973 года рождения, было выписано по причине того, что тот просто оказался в ненужное время в ненужном месте. В УУРе прошла информация, что в одном из кабачков города должны собраться местные авторитеты для встречи с неким положенцем из Иркутска Гудыной, который обещался устроить разбор полетов в сучьих зонах Северо-Запада. Высокое начальство, не мудрствуя лукаво, распорядилось организовать банальное «маски-шоу», в ходе которого была проведена внеплановая перепись ночных завсегдатаев заведения. С посетителями провели профилактическую беседу, после чего распустили по домам, а по итогам беседы составили «черный список», в который попал и Камышин. Включен он был в этот список по абсолютно формальному признаку – наличию судимости. Как результат – задание на оперативную установку. Стандартный, но, надо признать, довольно бестолковый ход.

Из груды ежедневно приходящих в отдел заданий Полина умудрилась выцепить установку на Камышина и зарегистрировать ее на себя. Исполнить ее для Ольховской было одновременно и легко, и сложно. Все дело в том, что Евгений Камышин (известный в своих кругах как Камыш) уже больше года был любовником Полины. Сиречь тем самым «мужиком

³² Маленькая (проф. жаргон) – стандартная установка, не требующая привлечения больших «сил и средств».

на стороне», о котором ничего не знали ни родители, ни коллеги из отдела, ни даже сотрудники службы собственной безопасности Управления. Хотя последним знать о таких контактах, как говорится, сам БГ³³ велел.

Знакомство Полины и Камыша состоялось в самый разгар петербургского 300-летия. Стоял на удивление жаркий майский вечер. Все прогрессивные горожане торопились занять достойные места на набережных Невы, где ночью должно было состояться лазерное шоу господина Хиро Ямагато, и только Полину сейчас занимал куда более земной вопрос: а как, собственно, добраться до дома? Полчаса назад в сумрачных коридорах конторы, которая располагалась в недрах бывшей коммунальной квартиры, она умудрилась сломать каблук. Самое паршивое, что туфли были совсем новые, причем купленные не где-нибудь на Апрашке, а в весьма приличном, казалось бы, магазине. Время было позднее, дамская половина отдела уже разбежалась, а дежуривший в этот день Геша Добряков в качестве альтернативы смог предложить ей лишь тапки-шлепанцы напарника да невесть кем забытые в конторе неопрятного вида кроссовки (к тому же еще и сорок второго размера). Ни то, ни другое Полину не устроило, и она приняла решение пойти босиком, а на улице попробовать поймать машину. В таком легкомысленном виде Ольховская и вышла на Московский проспект.

Нагретый за день асфальт приятно щекотал пятки. Прохожие, что вполне естественно, недоуменно пялились на босоногую девушку, кто-то даже покрутил пальцем у виска, однако Полину волновало не это, а совсем другое: хватит ли оставшегося у нее полтинника на то, чтобы доехать до Петроградки? С деньгами вообще была напряженка: до получки оставалось еще три дня, а в холодильнике между тем шаром покати. Можно было, конечно, попросить денег у отца – он бы не отказал. Но Полина принципиально не брала денег у родителей. Достаточно было того, что отец за год вперед заплатил за однокомнатную квартиру на Съезжинской, в которую она вселилась в начале февраля. Кстати, родители и этому ее решению не противились. Видимо, совсем уже махнули рукой на непутевую старшую дочь, переключив все свое внимание и заботу на младшую Ксюшу. Та была девочкой более правильной – летом собиралась поступать в Финэк, и сейчас родители усиленно тратились на репетиторов, параллельно окучивая старичка-профессора из приемной комиссии.

Полина выхватила взглядом движущуюся за черным БМВ бежевую «копейку», однако та проскочила мимо, а вот БМВ, напротив, притормозил. Из машины вылез невысокий, коренастый, коротко стриженный парень лет тридцати – эдакий типичный представитель семейства качковых, в спортивных шароварах и найковской футболке. Не дожидаясь, пока Полина подойдет к нему, он сам двинулся ей навстречу и, улыбаясь, спросил:

– А что, пляжный сезон уже открыли?

– Нет, это просто я каблук сломала, – ответила Полина и в качестве доказательства помахала туфлями, которые несла в руке.

– Понятно. И далеко ехать?

– На Петроградскую. Только я сразу предупреждаю: у меня всего пятьдесят рублей.

– Ого! – присвистнул парень. – Тогда я тоже сразу предупреждаю – сдачи у меня нет. Такой вариант устраивает?

– Устраивает, – рассмеялась Полина.

– Тогда – прошу, – и он распахнул перед ней дверцу, однако дожидаться, пока Полина усядется, не стал и вернулся на водительское сиденье.

³³ В данном случае под аббревиатурой БГ подразумевается Борис Грызлов, бывший министр внутренних дел, а ныне спикер Государственной Думы РФ. В 2003 году Грызлов сделал своеобразный реверанс в адрес рок-музыканта Бориса Гребенщикова, заявив, что между ними есть нечто общее: мол, вы – БГ и я – БГ.

Ехать в жаркий день в машине, оборудованной кондиционером, было весьма недурственно. Полина утонула в мягком кожаном кресле, прислушалась к доносящейся из динамиков музыке. Песня была очень знакомой, но она никак не могла вспомнить, кто это поет. Немного посомневавшись, она все-таки поинтересовалась.

– А, это... Это «Калинов мост», Дима Ревякин, – ответил парень.

«Надо же», – подумала про себя Полина. словно прочитав ее мысли, парень хохотнул и, обернувшись к ней, весело сказал:

– Так не все же время про Владимирский централ гонять, а?

Несмотря на свою внешность, Евгений (именно так он представился Полине), оказался весьма интересным и остроумным собеседником. За разговорами она и не заметила, как за каких-то двадцать минут они долетели до Съезжинской. Глядя на то, как Евгений лихо лавирует на дороге, Полина невольно подумала о том, что нашим пришлось бы весьма непросто, доведись им вести за этим парнем наблюдение в движении.

Евгений довез ее до самого подъезда. Полина порылась в сумочке и протянула ему полтинник, внутренне готовясь к банальному развитию дальнейших событий: от денег сейчас откажется, но зато попросится подняться к ней на чашку кофе. Однако, к ее удивлению, деньги Евгений взял.

– Доля есть доля, – усмехнулся он и аккуратно убрал полтинник в довольно увесистый лопатник. Затем Евгений вышел из машины и снова распахнул перед ней дверцу:

– Прошу! И ради бога – берегите ноги... Полина даже обиделась немного. «Ну надо же, даже телефончик не попросил. Неужели я так страшно выгляжу?» – подумала она. Вслух она этого, конечно, не произнесла, учтиво поблагодарила и направилась к подъезду. У самых дверей она задержалась, секунду-другую поразмышляла и решительно бросила туфли в урну – при нынешних ценниках замена супинатора обошлась бы немногим дешевле, чем покупка новой пары.

На следующий день Полина возвращалась домой примерно в то же самое время. На этот раз, понятное дело, своим ходом. Войдя во двор, она увидела знакомый БМВ, из которого уже выбирался довольный Евгений. Строгий черный костюм-двойка и белоснежная рубашка преобразили его до полной неузнаваемости. В руках он держал небольшой полиэтиленовый пакет.

– Привет! – он по-свойски, как старой знакомой, протянул Полине руку, и той ничего не оставалось, кроме как ответить на рукопожатие:

– Привет! Вас и не узнать сегодня.

– Правда? Стараюсь ослепить.

– Вот с этого все и начинается.

– Так ведь с чего-то надо же начинать? Знаете, Полина, я вообще-то не страдаю бессонницей, но сегодня ночью просто не мог уснуть...

– Понимаю, – сочувственно и несколько лукаво кивнула Полина. – Жара, комары...

– Да нет, дело не в этом. Просто меня мучила совесть оттого, что я слишком много содрал с вас за проезд. Там красная цена была рублей десять, ну от силы двенадцать.

– Знаете, Евгений, если вы будете бомбить на своей машине по тарифу маршрутки, то, боюсь, вы очень скоро прогорите.

– Может быть, но у меня, к счастью, есть и другие источники доходов. Короче, я привез вам сдачу, – и с этими словами он протянул Полине пакет. Она заглянула – в пакете лежала белая коробочка с надписью Baldini.

– Надеюсь, это не бомба?

– Нет, это всего лишь туфли. Почти полная копия тех самых, вчерашних.

– У вас такая хорошая зрительная память?

– Нет, просто когда вы ушли, я немного порылся в урне... Да вы откройте, посмотрите. Если не понравятся, то можно заехать поменять.

Полина открыла и посмотрела. Туфли были потрясающе хороши – легкие, почти невесомые, оригинального дизайна, они явно стоили не одну сотню баксов. «Обалдеть», – только и смогла прошептать она. «Ага, мне тоже название понравилось», – не совсем правильно понял ее Евгений. Полина вздохнула и аккуратно закрыла коробку:

– Очень красивые. Спасибо вам, Женя, за заботу. Вот только я не могу их взять.

– Почему?

– Потому что теперь сдачи нет у меня. Это же безумно дорого!

– Что-то подобное я и предполагал. Знаете, у меня к вам деловое предложение. Давайте сегодня поужинаем где-нибудь вместе и после этого будем считать, что мы с вами в полном расчете.

– Поужинаем – и всё? – вопросительно посмотрела на него Полина. – Или все-таки... потом что-то еще?

– Только поужинаем, – клятвенно заверил ее Евгений. Если в данную минуту он и врал, то, надо признать, делал это мастерски.

Полина задумалась. С одной стороны, поговорку «Кто девушку ужинает, то ее и танцует» она, безусловно, слышала. Но с другой... Во-первых, действительно очень хотелось есть. Во-вторых, Евгений все больше и больше начинал ей нравиться. И, наконец, в третьих, ей уже слишком давно не делали дорогих подарков просто так – не на день рождения, не на Новый год, а просто так. За то, что она такая вот вся симпатичная, умная и хорошая... Короче, она согласилась. Попросила немного подождать, быстренько сбегала домой, переоделась, подмазалась, да и, кстати, надела новые туфли. Потом они поехали в «Аустерию» и в высшей степени чудесно провели последующие три часа, за которые успели наесться, напиться, наговориться и перейти на «ты». Затем Женя отвез ее домой и действительно не предпринял никаких попыток к «чему-то еще». Это самое «что-то еще» случилось лишь месяц спустя, причем инициатором выступила, как ни странно, сама Полина.

К тому времени она уже знала, что Евгений по молодости имел какое-то отношение к криминалу и даже был судим, что знакомые и друзья зовут его Камышом, что родом он из Воркуты... Словом, Полина знала о нем гораздо больше, нежели он о ней. А все потому, что уже на третий день их знакомства она, пользуясь служебным положением, пробила по «гаишному» компьютеру³⁴ машину Жени, узнав таким образом полные установочные данные и адрес ее владельца. А затем Полина кинула его данные по ИЦ³⁵ и получила справку о том, что, будучи двадцати трех лет от роду, Камышин Евгений Алексеевич в ноябре 1996 года был осужден Кировским народным судом Санкт-Петербурга к двум с половиной годам лишения свободы по статье 149-й УК РСФСР «Умышленное уничтожение или повреждение имущества».

Полученная негативная, на первый взгляд, информация Полину отнюдь не напугала, а скорее, наоборот – заинтриговала. Проработав пять лет в системе, она уже давно перестала делить людей на своих и чужих, на плохих и хороших. На личном опыте Полина смогла убедиться, что нет в этой жизни ни однозначно черного, ни однозначно белого – даже в черно-белом телевизоре и то краски серые. И если в первые месяцы службы любого объекта разработки Полина изначально воспринимала как врага (а уже если инициатор задания давал ему окраску типа «тамбовский», «казанский», «авторитет», «член ОПГ», то все – пиши пропало, ущучить его, вражину!), то сейчас в своих оценках она была уже не столь категорична. А главное, она научилась подвергать сомнению даже те вещи, которые, по мнению мно-

³⁴ Информационный центр ГУВД.

³⁵ Информационносправочная система ГИБДД.

гих окружающих, являлись бесспорными и не подлежащими иной трактовке. Самое печальное, что в число этих самых окружающих нередко входили ее коллеги и непосредственное начальство. Кстати, отчасти поэтому Полина столь тщательно скрывала роман с Камышом от своих. Сплетни в конторе распространялись, конечно, медленнее скорости света, но зато куда как более эффективно – по крайней мере, только на ее памяти уже с десятков раз случилось так, что бабские пересуды в конечном итоге материализовывались в служебные рапорта на имя начальника СБ, который всегда был дико охоч до таких материалов. И если уж свои, проверенные-перепроверенные бывшие, подавшись на «гражданку» в мир бизнеса, автоматически становились «предателями», то что уж тогда говорить о капитане милиции Ольховской, регулярно делящей постель с ранее судимым гражданином Камышиным, в свое время отработавшимся на причастность к так называемой «воркутинской» ОПГ. Это уже чуть ли не государственной изменой пахнет! Исходя из этого Полина продолжала жить в соответствии с формулировкой, изобретенной легендарной «грузицей» Еленой Борисовной Нестеровой (мамой не менее легендарного ныне бригадира наружки). А та в представлении на звание про одного из своих подчиненных однажды написала так: «...в порочащих его связях был, однако, не замечен».

Сам Камыш о подобного рода проблемах, естественно, ничего не знал. Для него Полина, в соответствии с легендой зашифровки, была вольнонаемным оператором ЭВМ в одной из воинских частей города. Когда они познакомились поближе, Евгений обратил внимание, что о своей работе Полина рассказывает неохотно. («Да что там рассказывать? Скучно. Сижу целый день за компьютером: цифры в базу вгоняю, отчеты сочиняю да приказы печатаю», – отмахивалась она, когда речь заходила о службе). Но в итоге Камыш решил для себя, что причин для таких недомолвок у Полины может быть только две: либо она стесняется своего непрестижного места и маленькой зарплаты, либо в ее жизни имел место неудавшийся служебный роман с каким-то офицериком (а что еще может заставить красивую незамужнюю бабу податься служить в армию? Тем более – при наличии почтенных предков?). Однако унижаться до того, чтобы проверять версию «А был ли мальчик-то?» Камыш не стал. Для подобных фишек он слишком уважал себя и слишком любил ее.

А что же Полина? В последнее время она догадывалась, что для Камыша их связь – это нечто более серьезное, чем простое увлечение. Но, к сожалению, сказать то же самое о себе она не могла. В свое время Ольховская очень удивилась, когда Евгений не стал скрывать от нее своего прошлого и откровенно рассказал и о былых неладах с законом, и об отсидке за поджог автомашины, да и о нынешнем, порой балансирующем на грани дозволенного, бизнесе. Она знала, что в схожей ситуации такого рода информацию о себе она бы наверняка скрывала и стыдилась бы ее. Полина ценила Женю за искренность, деликатность, за мужскую силу. Словом, за все то, что позволяло ей чувствовать себя с ним удивительно легко и комфортно. Да и в интимном плане Камыш оправдал самые смелые ее ожидания, оказавшись чувственным и страстным любовником. Так что Полина в течение первых нескольких месяцев буквально отрывалась по полной, занимаясь сексом. Причем нередко они делали это не только у нее или у него на квартире, но и в самых неожиданных, даже, скажем так, экстремальных местах. А ведь предложи кто проделать ей такое годом раньше, она бы либо покраснела как девочка, либо по щекам «пошляка» отхлестала... Ну и, конечно, в средствах Камыш ее также не ограничивал, и это позволило Полине снова начать следить за собой, лучше одеваться и порой приобретать такие изящные безделушки, которые и на работе-то показать нельзя. Иначе та же Марина Станиславовна Семченко, считавшая себя единоличной законодательницей мод среди женщин установки, просто сдохла бы от зависти, либо накатала инициативное сообщение: дескать, пора проверить Ольховскую на предмет нетрудовых доходов.

В общем, несбыточные для подавляющего большинства потенциальных российских Золушек мечты встретить сказочного принца в случае с Полиной воплощались в жизнь в полной мере. Другие бы просто купались в свалившемся на них счастье, а она, напротив, все больше и больше грустила, понимая, что рано или поздно наступит для нее тот самый час X, когда сверкающая карета обратится в тыкву. И вовсе не из-за того, что принц охладит к ней и выберет себе на роль Золушки другую, а потому, что она всего-навсего не любит принца. И чем раньше Полина ему в этом признается, тем легче будет уходить и ей, и ему. Больше всего на свете Ольховская ненавидела вранье, включая вранье самой себе. Она чувствовала, что не сможет полюбить Камыша, а представить себе жизнь с человеком, построенную лишь на чувстве благодарности, внешнем благополучии и комфорте, Полина не могла...

«Чушь какая-то! – сказала бы обо всем этом Марина Станиславовна Семченко. – Ты, мать, давно на ПФИ³⁶ –то ходила? А то пошла бы, проверилась... Подумаешь, тургеневская девушка! Любит, не любит – это, знаешь, из женских романов, которые новые по сорок рублей за штучку, а на развалах по десяточке... Ав жизни оно все гораздо проще. Поймала мужика – держи. Иначе проспшишь свое счастье и потом всю жизнь с несчастьем трахаться будешь...»

Так сказала бы майор милиции Марина Станиславовна Семченко, проработавшая в установке без малого пятнадцать годков и успевшая за это время трижды благополучно сходить замуж. И некий здравый смысл в этих словах, безусловно, имелся. Однако не зря уже было подмечено, что Полина, во-первых, была девушкой не без странностей. А во вторых, последние несколько лет еще жила в ней, еще теплилась непонятная надежда на маленькое чудо. И имя этой надежде было...

– Антоха Гурьев!.. Слышь, Полин!.. Гурьев из наружки! – в отдел влетела Семченко и плюхнулась в пустующее напротив кресло, не в силах отдышаться по причине своей не в меру грузной конституции. В отделе установки Марина Станиславовна на общественных началах исполняла функции сороки – все внутриконторские новости она всегда узнавала первая. Объяснялось это очень просто: не было дня, чтобы Семченко не заходила в канцелярию, где любила пропустить рюмочку-другую коньяку со своей подругой – секретаршей шефа, пережившей на своем веку не одного начальника управления.

Внутри у Ольховской все так и оборвалось.

– Что «Гурьев»? – прошептала она.

– Погиб Гурьев! Вчера вечером. Объект машиной задавил. Насмерть. Говорят, на место даже Пиотровский³⁷ выезжал... Представляешь, что сейчас у шефа в кабинете творится?.. Эй, ты чего, мать?..

В глазах у Полины потемнело, голова закружилась. Она попыталась встать, но пол вдруг резко ушел из-под ног, и, теряя сознание, она начала падать. Хорошо еще, что Семченко обладала завидной реакцией, да и вообще была во всех отношениях бабой крепкой – успела-таки подхватить ее на руки.

«Ни хрена себе, – подумала Марина Станиславовна, оттаскивая Полину к дивану. – Чего это она? Беременная, что ли?»

Сведения Марины Станиславовны несколько устарели – в кабинете шефа уже ничего не творилось, а самого начальника ОПУ, полковника милиции Сергея Андреевича Конкина, в данный момент служебная машина везла в направлении Суворовского проспекта. Там ему

³⁶ ПФИ – психофизическое исследование. В обязательном порядке проходят все вновь поступающие на службу в ОВД сотрудники. При необходимости может быть проведено повторно вне зависимости от срока службы.

³⁷ Пиотровский Владислав Юрьевич. Начальник криминальной милиции Санкт-Петербурга.

была назначена аудиенция у господина Ваничкина,³⁸ и встреча эта, понятное дело, ничего хорошего не сулила. В соответствии с законом сохранения энергии и принципами демократического централизма Сергей Андреевич должен был огрести сейчас от начальника Главка по полной программе и в не меньшем, чем его подчиненный Нестеров, объеме. А того, родимого, час назад под председательством заместителя по оперативной работе Фадеева и при созерцательном участии Конкина отымали в начальственном кабинете с особым цинизмом, по самые, как говорится, помидоры. Помимо их троих в этой экзекуции также приняли участие начальник отдела Нечаев и начальник службы собственной безопасности Бураков.

Фадеев исчерпал свой запас ненормативной лексики и идиоматических выражений за двадцать минут, Бураков – за двенадцать. Оттачивать искусство разговорного жанра можно было бы и дольше, однако это потеряло всякий смысл, так как разговор шел исключительно в одну калитку. Нестеров отрешенно молчал, не огрызался, в полемику с начальством не вступал и всем своим видом давал понять: «Да, я виноват, признаю, так что давайте, ешьте меня с говном, только отстаньте, разве не видите, как мне сейчас херово». Конкин все это время оставался над схваткой. Он был поинтеллигентнее (матерился редко, да и то при этом краснел и смущался), а кроме того, мысли его вертелись в несколько иной плоскости. Сергей Андреевич уже прокручивал в голове возможные сценарии будущих диалогов с руководством Главка и комиссией из ОПУ МВД, которая завтра должна была нагрянуть с проверкой. И сценарии эти были, мягко говоря, не лишены драматизма. А тут как раз позвонили из Главка и, даже не поинтересовавшись самочувствием, передали приказание прибыть сами-знаете-куда с подробным рапортом. После этого звонка Конкин решительно прекратил словесный понос своих подчиненных и перевел тему в более конструктивное русло. Участникам большой пятерки предстояло выработать единую, более-менее правдоподобную, версию вчерашних событий. Камнем преткновения, естественно, был лишь один момент – какого, собственно, хрена водитель оперативной машины Гурьев оказался стоящим так близко к машине объекта наблюдения? Писать в официальном рапорте о том, что в работе наружки практикуется такой оперативно-тактический прием, как прокол колеса объекта, разумеется, было нельзя. Но и отмазка типа «Гурьев отошел за машину объекта, чтобы, к примеру, справить малую нужду», также не катила – во всем Питере другого места отлить не нашлось, так, что ли? В конечном итоге после получаса мозгового штурма совместными усилиями была составлена и запротоколирована более-менее удобоваримая в сложившейся ситуации (но по сути абсолютно идиотская) версия. Звучала она так: «... В силу вышеописанных причин в течение нескольких часов наблюдение за объектом „Ташкент“ велось силами лишь одного экипажа (ст. смены – подполковник милиции Нестеров). В течение этого времени каждый из сотрудников экипажа (Нестеров, младший лейтенант милиции Лямин, лейтенант милиции Козырев) поочередно вел наблюдение в пешем движении за объектом „Ташкент“, вследствие чего сложилась реальная опасность расшифровки этих сотрудников. В соответствии с ведомственными инструкциями и по согласованию с заказчиком в этой ситуации экипаж должен был прекратить оперативное мероприятие „НН“, однако старший смены Нестеров принял необоснованное решение задействовать оперативного водителя Гурьева для контроля выезда объекта с плохо просматриваемой автостоянки на проспекте Луначарского. Капитан милиции Гурьев, давно не имевший практического опыта работы по линии „НН“ в качестве разведчика, занял неправильную наблюдательную позицию, оказавшись в непосредственной близости к машине объекта. Помимо этого он пренебрег элементарными правилами безопасности на дорогах, не учтя возможности совершения автомашиной объекта маневра „задний ход“. Резюмируя вышеизложен-

³⁸ Ваничкин Михаил Георгиевич. Начальник ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ное, представляется, что настоящий инцидент стал следствием несогласованности действий экипажа „НН“ (ст. смены – подполковник милиции Нестеров), неправильной организации оперативной работы по объекту „Ташкент“ (начальник отдела – полковник милиции Нечаев) и непрофессиональных действий самого Гурьева, смерть которого в данном случае может расцениваться как несчастный случай при исполнении служебных обязанностей».

Нестерову было абсолютно все равно, в каком свете он предстанет по итогам служебной проверки и какая неминуемая кара после этого его настигнет. Единственное, с чем он был категорически не согласен, так это с тем, что гибель Антохи произошла в результате несчастного случая. Бригадир был убежден: Ташкент задавил Гурьева намеренно, он просто-напросто сел в машину, хладнокровно убил Антона и так же хладнокровно уехал. Нестеров попытался было сформулировать эту мысль, однако сбился, закашлялся, и этим немедленно воспользовался Бураков, который по-своему истолковал слова Нестерова. Поморщившись, он с нездоровой усмешкой посмотрел на бригадира и назидательно произнес:

– Александр Сергеевич! Не следует усматривать злого умысла в том, что может быть объяснено элементарной глупостью. – После этого он обратился к Нечаеву:

– Василий Петрович, я вас просил вызвать для беседы Лямина с Козыревым. Они здесь?

– Должны быть здесь. По крайней мере, я видел их в дежурке.

– Замечательно. Тогда, если я больше не нужен, то, пожалуйста, я пойду заберу их к себе.

На предмет беседы.

– А может, не стоит сегодня с ними говорить? вмешался Нестеров. – Ребята еще от вчерашнего не отошли. Вы на Лямина посмотрите – парень же до сих пор из шока не вышел, глаза совсем безумные. Для них же это такой стресс, что и хотел бы хуже – да не придумаешь. Им бы неплохо сейчас недельку дома посидеть, все равно – какие из них пока работники? – Произнося эту тираду, Нестеров понимал, что его сейчас обязательно одернут, так как это был уже явный перебор. Так оно и случилось.

– Вас послушать, Александр Сергеевич, так у нас не оперативное подразделение, а богадельня какая-то, – сердито сказал Бураков. – У них, видите ли, стресс! И что? Может, им теперь за это путевки на Кипр выписать? В конце концов, они офицеры или бабы малахольные?

– Да, они офицеры. Офицеры, которые уже на второй месяц службы увидели своими глазами смерть своего боевого товарища, – завелся Нестеров. – А в этом случае, согласно столь чтимым вами инструкциям, им требуется помощь квалифицированного психолога. А наш штатный психолог, насколько я знаю, квалифицированно умеет только одно – красивым почерком подписывать открытки на день рождения...

– Все, хватит, брэк! – рубанул воздух Фадеев. – Вы еще подеритесь, горячие опушные парни. Прекращайте базар. Давай, Дмитрий Рубенович, – обратился он к Буракову, – забирай молодых, все, что надо опросить-оформить-записать, за сегодня сделай, а с завтрашнего дня (я думаю, Василий Петрович не будет возражать?) давайте действительно пацанам три-четыре дня отдыха дадим... Но только учти, Сергеич, на тебя это дело не распространяется. Завтра москвичи приезжают, так что огребать и отдуваться будем все вместе, и, кстати, ты, как доброволец, пойдешь у нас паровозом. Возражения есть?

Возражений не было. Бураков пошел в дежурку за Ваней и Пашей, Конкин с тяжелым сердцем засобиравшись в Главк, а Нечаев и Нестеров переместились в маленький кабинет Фадеева, хозяин которого, впустив гостей, первым делом закрыл дверь на ключ, после чего достал из маленького холодильничка початую бутылку «Синопской». Фадеев выудил из недр заваленного бумагами стола три пластиковых стаканчика, аккуратно плеснул в каждый: «Ну давайте, мужики, не чокаясь, за Антоху Гурьева. И пусть земля ему будет пухом».

Выпили. Помолчали. Фадеев потянулся за сигаретами. Его примеру последовали и двое остальных.

В свое время Нестеров и Фадеев служили в одном отделе. Более того, пару месяцев Нестеров даже ходил в наставниках Фадеева – именно с его подачи за будущим заместителем начальника ОПУ по оперативной работе закрепилась кличка «Фадейка», данная ему наставником в далеких восьмидесятых. Но время расставило все по местам – в отличие от Фадеева Нестеров так и остался там, где ему, видимо, и положено было находиться – в бригадах. Нет, конечно, случались в жизни Александра Сергеевича и головокружительные карьерные взлеты, однако они же, так уж случилось, впоследствии оборачивались не менее головокружительными падениями. Причины этих падений были банальны до чрезвычайности. Если не брать в расчет неуживчивость характера, то все беды Нестерова можно было объяснить одним словом – запойность. Неслучайно в первой аттестации Александра Сергеевича на должность «старшего грузчика» ныне покойный Валерий Иванович Костомаров, начинавший работать в наружке еще в шестидесятые годы, написал: «Склонен к употреблению спиртных напитков». И неуставно добавил после этого: «...к сожалению». Впрочем, это уже совсем другая история. А что же касается Фадеева, то его, к счастью, медные трубы если и изменили, то лишь слегка, в соответствии, так сказать, с правилами общей субординации. Но в целом он так и остался тем самым Фадейкой, который, несмотря на легкомысленное прозвище, мог при случае хоть кому заехать в бубен, невзирая на чины и звания. Много, конечно, имелось у Фадеева недостатков, но вот службистом он никогда не был, это факт.

– Я сегодня с утра с заказчиками встречался, – первым нарушил молчание Фадеев.

– И чего они могут сказать в свое оправдание? Помню – не помню, крепим – не крепим?

– Да там такая фигня приключилась... Короче, этот мужик, который связью проходил в «Магрибе», он, оказывается, их барабаном был. Оэробэшники взялись подловить Ташкента на фальшивых евро – это сейчас самая та тема, оказывается, спрос на левые еврики и у нас, и у них все еще превышает предложение. Типа, не дотумкали пока, что евры подделывать легче. Так вот: в ОРБ пришла информация, что Ташкент с чухонцами наладил сбыт евро по курсу один к трем – вот они и решили его на этом подловить. Но ты же сам понимаешь, у нас ведь как обычно: гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Поначалу вроде все тип-топ складывалось, вроде клюнул Ташкент, бабки везет, все дела, так что берем его тепленьким. Но когда этот оэробэшный зайчонок в «Магрибе» его разводить начал, Ташкент сразу в отказку пошел: мол, вы чё, ребята, с дубу рухнули? Кто ж такие бабки через границу так вот, запросто, внагльак возит? И вообще, это дело еще обмозговать надо... Ну и все такое прочее. В общем, расстались они, Ташкент обещал перезвонить, уехал, а заказчики стали репу чесать – то ли он им черемуху толкает,³⁹ то ли и правда деньги позже с курьером придут.

– Так, блин, закрепили бы и проверили! – ругнулся Нестеров.

– Да, видать, не было у них на него ничего более, – вмешался в разговор Нечаев, – так, одни только фантазии да бывшие обиды. Я тебе точно говорю, Сергеич, расклад тут самый простой – захотели ребятишки палку по-легкому срубить: контрольная закупка, гражданин, пройдемте для выяснения наличности... А потом оп-паа – и застремались: а вдруг и правда товар не при нем. И чего тогда? Извиняйте, гражданин Ташкент, мы вас за баклана приняли?

– А нам они что, толком сказать не могли? А?! Или наш номер, как всегда, шестой?

– Успокойся, Сергеич. Давай-ка плесни лучше еще по пятьдесят капель, – устало сказал Фадеев. – Наш номер не шестой – наш номер седьмой.

Аоэробэшники... Они, видать, все не могли решить, что ж им делать. А брать на себя ответственность, естественно, никто не хотел... Кстати, Еремин сегодня уже погнал на нас:

³⁹ Толкать черемуху (блат. жаргон) – обманывать.

мол, операция была продумана до мелочей, а Ташкент замандражировал, потому что наружку за собой срубил...

Нестеров матюгнулся, однако Нечаев прореагировал на это сообщение на удивление спокойно:

– Ерема всегда таким был. Сколько его помню, вечно старался успеть первым жопу прикрыть. Ну даив Главке, надеюсь, не одни только идиоты остались. Если бы Ташкент хвост учуял – хрен бы он вообще в «Магрибе» появился. Так что тут, господа хорошие, извиняйте – лучше надо свою агентуру готовить... Ладно, мужики, давайте, что ли, еще по одной.

Они снова, не чокаясь, выпили, и Нечаев продолжил:

– Оэрбэшников тоже можно понять – им этот геморрой на хрен сдался. Так что, я думаю, они постараются поскорее забыть это дело как страшный сон. Тем более что после вчерашних событий Ташкент вряд ли выйдет на связь, независимо от того, срубил он хвоста или нет. Разве что он полный идиот...

– Насколько мне известно, Ташкент – не идиот, – сказал Фадеев. – А насчет Еремы ты прав, Петрович. Он, конечно, это дело замнет, но оэрбэшники обещали, что постараются что-нибудь сделать по своей линии. В инициативном, так сказать, порядке. Но тут главное, чтобы Ташкент не слишком надолго на дно залег. Иначе – труба, на чем его ловить, непонятно.

– Что значит «непонятно»? – возмутился Нестеров. – А Гурьев? Прокуратура что, дело возбуждать не собирается?... Ладно – Бураков, но вы-то, мужики, что? Тоже не верите, что это было самое натуральное убийство?

– Материал будет передан в отдел дознания Выборгского ГИБДД, – чуть помедлив, сказал Фадеев, прогнозируя реакцию Нестерова на это сообщение. И он оказался прав – Нестеров подскочил на месте и с хрустом сломал в руке пластиковый стаканчик:

– Бога вашу душу мать! Антоху! Гурьева! Убили!!! Адело об убийстве на три буквы⁴⁰ посылают! – он с остервенением схватил со стола бутылку «Синопской» и, приняв стойку горниста, сделал из нее внушительный глоток. Выдохнул, вопросительно посмотрел на Фадеева:

– Так это что ж теперь, Ташкента со временем даже и в федеральный розыск не поставят?

– Формальных оснований на это у них пока нет, – устало ответил тот.

– Все, Сергеич, хорош пить, – перехватил инициативу Нечаев, поспешно завинтил пробку и передал бутылку Фадееву (слишком хорошо он знал, что такое есть Нестеров во хмелю). – Нам с тобой сегодня еще бумагу для ОПУ МВД сочинять, к тому же неизвестно, с какими новостями Конкин из Главка вернется.

Нестеров хотел было сказать начальнику о том, что он думает по поводу московских комиссий, МВД в целом и его отдельных представителей в частности, однако в последний момент сдержался. Бригадир лишь беззвучно ругнулся и полез в карман за спасительной сигаретой. На душе у него было мерзко и противно.

Приблизительно в это же самое время Полину доставили домой на дежурной машине. Это подсустилась Марина Станиславовна, которая из минутной слабости Полины раздула целую «военно-морскую историю». В своих заботах о потерявшей сознание коллеге она за каких-то десять минут пробежалась по всей властной вертикали отдела, дойдя в конечном итоге до самого Адамова, у которого потребовала машину для Полины. Тот, ясное дело, поначалу выразил свое неудовольствие, поинтересовавшись: а чем, собственно,

⁴⁰ В свое время министр внутренних дел РФ Борис Грызлов публично заявил, что российские автолюбители еще «вспомнят о ГАИ», которая заменит неудобоваримое сочетание букв – ГИБДД. «Мы решили, сохранив статус действующего Главного управления, снова назвать его более понятным для населения словом из трех букв...»

вызван весь этот сыр-бор? Однако, услышав версию Семченко, которая убедительно доказала ему, что в обморок женщины падают исключительно по одной лишь причине, машину, конечно же, дал. «Ну и дела, – удивился тогда Адамов, в задумчивости потирая лоб. – И это наша недотрога Ольховская! Кто бы мог подумать?» Он хотел было даже позвонить Нечаеву, чтобы по-товарищески предупредить о психофизическом состоянии будущего сотрудника его отдела, однако местные корпоративные интересы взяли верх. А ну как Нечаев успеет отыграть назад и останется Полина в установке? А у него, у Адамова, и так уже три декретных отпуска на балансе. Нет, все-таки правильно говорят: курица – не птица, а баба – не офицер.

Полине столь пристальное внимание к ее скромной персоне было абсолютно не нужно. Тем паче со стороны Семченко, которую она всегда недолюбливала за патологическое пристрастие к разного рода интриганству. Но лишь очутившись дома, куда ее на белом «Форде» домчал встревоженный личный водитель Адамова Шурик, она подумала, что очень благодарна Марине Станиславовне. Полина просто не представляла, как бы она сегодня весь день смогла находиться в конторе – работать, общаться, реагировать на чьи-то шутки... Просто быть там. Она доплелась до своей тахты, скинула туфли, не раздеваясь легла, уткнулась лицом в подушку и только тогда дала волю эмоциям – заревела, а правильнее будет сказать, завывала белугой.

Полина и Гурьев познакомились десятого ноября 1999 года. В этот день в ДК милиции, что на Полтавской улице, давали традиционный праздничный концерт, на который Полина угодила совершенно случайно. К тому времени она служила в установке лишь третий месяц, ни с кем толком сойтись-подружиться не успела, а посему чуть более старшая и чуть более опытная Инга Сафонова решила взять над ней шефство. В смысле, познакомить с мужиками. А зачем еще ходить на подобные мероприятия? Уж по крайней мере не для того, чтобы в очередной раз просмотреть стандартную культурную программу с неизменными Людмилой Сенчиной, Анне Вески, киношными ментами и Мамочкой⁴¹ с гитарой.

Полина идти на вечер не хотела. Какое-то время она вяло сопротивлялась, но Инге, которой не терпелось показаться на публике в новом для нее имидже платиновой блондинки, все-таки удалось ее уломать. Какое-то время, минут двадцать, не больше, они отсидели на концерте, поскольку, как сказала Сафонова, «надо сначала себя показать, а потом уже идти на людей смотреть». Полине было все равно, хотя она не очень хорошо представляла, что можно увидеть в довольно темном зале. Впрочем, две сидящие рядом юные эффектные блондинки (одна крашеная, другая натуральная), несомненно, внимание к себе привлекали. Наконец Инга дала команду: «Пора», и они пошли «на людей смотреть». А где в Доме культуры можно увидеть людей? Правильно. На дискотеке или в буфете.

Девушки решили начать со второго.

В буфете было не протолкнуться – правильные менты традиционно предпочли советской эстраде советские напитки. Удивительно, но факт – единственная во всем буфете компания «своих» умудрилась занять самый большой стол в самом дальнем углу. Она же была и самой шумной. Инга потянула Ольховскую за руку:

– Пошли к нашим. Посидим немножко с «грузчиками», а потом танцевать пойдем.

– С кем посидим? – переспросила Полина, которая еще плохо ориентировалась в управленческом сленге.

– С ребятами из наружки. С ними всегда весело, не то что с нашими установочными занудами.

⁴¹ Александр Кавалеров, актер, исполнивший роль Мамочки в х/ф «Республика ШКИД». В последние годы неизменный завсегдатай культурно-массовых мероприятий, организуемых питерским ГУВД.

– Но я же там никого не знаю.

– Вот и познакомись. Вон тот, черненький, это Костя Климушкин, бригадир. Пьяница, конечно, зато смешить умеет классно. Рядом с ним Лёва Трушин... второго не знаю... тот, что к нам спиной сидит, – Женя Стуков. Ну пошли, не бойся – не съедят.

– А в черном свитере – это кто?

– Это Антоха Гурьев, водитель... Что? Понравился? Хочешь, познакомлю? Только он странный немного.

– Почему?

– Знаешь, сколько наших девчонок его захомутать пытались – но все без толку. Мне Костя Климушкин рассказывал, что это у него принцип такой. Типа роман на работе мешает работе. Дурак, правда? Но ничего, мы что-нибудь придумаем. Пошли...

Ребята действительно оказались веселыми, и через некоторое время все и правда перезнакомились и уже общались так, как будто знали друг друга не первый год. Вот только Ингина «придумка» Ольховской, мягко говоря, не понравилась. Даже не спросясь Полины, она с ходу выложила ребятам, что та приходится ей младшей сестрой – студенткой, которую сегодня «просто не с кем было оставить дома». «Грузчики» дружно поддержали, мол, действительно, такую студенточку одну дома лучше не оставлять, и с этого момента иначе как «сестренки» к ним не обращались. «Что будем пить, сестренки? – перешел к делу Климушкин. – Водку? Шампанское? Или, может быть, „Белую медведицу“?» «Мне „Медведицу“», – скромно попросила Полина, причем эта ее просьба почему-то вызвала бурю веселья и аплодисментов. Ольховская плохо разбиралась в алкогольных напитках, а посему решила, что «Белая медведица» – это какой-то не известный ей джин-тоник.

«Джин-тоник» оказался редкостной гадостью. Полина морщилась, но, подбадриваемая «грузчиками», мол, за знакомство (равно как за праздник, наружку, установку и прочее) положено до дна, мужественно пила. В какой-то момент к ней подсел Гурьев и шепнул:

– Вы бы, Полина, поаккуратнее с этим напитком. Уж больно зело он в голову ударяет.

– Этот джин-тоник – что? Очень крепкий, да?

– Полинушка, «Белая медведица» – это не джин-тоник. Это, с позволения сказать, коктейль: половина водки – половина шампанского.

– Да вы что? – поперхнулась Ольховская и испуганно отставила стаканчик. Какое-то время они молчали, после чего Гурьев снова шепнул ей:

– Можно пригласить вас на танец?

– Да, конечно. Я и сама хотела вас попросить об этом – здесь так накурено, – Полина встала из-за стола и поймала на себе горделивый взгляд Сафоновой, в котором читалось: «Ну, что я тебе говорила? Теперь видишь, как я классно все придумала?»

Полина и Антон пошли танцевать, и в этот вечер они уже больше не расставались. Самое удивительное для нее, что не расстались они и ночью. Ольховская сама себя не узнавала: ужель это она, та самая Полина, которая всегда была девушкой самых строгих правил и до этого вечера целовалась-то раз пять, не больше? Всего за каких-то пару часов общения она была настолько покорена Гурьевым, так влюбилась в него, что прикажи он ей сейчас пойти и прыгнуть с Дворцового моста в Неву, молча пошла бы и прыгнула. Так что, когда Антон сказал ей: «Пойдем ко мне», она молча взяла и пошла. Тем более что зимой с моста прыгать холодно, страшно и больно, а с Антоном в ту ночь ей было удивительно тепло и надежно. И, как выяснилось, совсем не больно.

В ту ночь Полина так и не решилась рассказать Гурьеву об их с Ингой маленьком заговоре. Вернее, у нее просто не было времени на то, чтобы решиться, а позднее Гурьев как-то сам случайно высказал свое отношение к «служебным романам» и бракам между коллегами по работе, и тогда Полина поняла, что для него это действительно принципиально. Это была дурь, эта была блажь, но дурь и блажь принципиальные. Полине стало страшно. Страшно

оттого, что из-за такой мелочи, из-за такой ерунды она может потерять этого человека, роднее которого с недавних пор у нее никого не было. Она была не виновата в том, что встретила Гурьева лишь когда пришла работать в ОПУ, но уже всерьез начала подумывать о том, чтобы из-за него уйти из системы. А пока они продолжали встречаться. Полине приходилось врать, вспоминать какие-то истории из своей недолгой студенческой жизни. Все это время она невольно ощущала себя принцессой из «Обыкновенного чуда», которая боялась признаться Медведю в том, что она принцесса, которых тот терпеть не мог. Правда, по куда более весомым причинам.

Но конец у этой сказки оказался плохим. Через полтора месяца «Медведь» все узнал. Самое ужасное, что узнал не от Полины, а сам, случайно встретив ее в Центральной конторе, где он и она и появлялись-то от силы раз в месяц. Тогда, в первый и в последний раз, Полина видела Гурьева злым. Нет, он даже был не зол – он был ужасен. Тогда он ее оскорбил. Это было грубо, это было дико, но самое главное – это было незаслуженно, потому что Полина любила его. И он ее любил, она знала, она видела это. Любил, но вот простить не смог. Будьте вы прокляты – те, кто в этой жизни выдумал дурацкие принципы и заразил ими остальных людей!!!

Полина так тяжело переживала разрыв с Гурьевым, что несколько лет вообще не могла нормально общаться с мужиками, за что в своем отделе, в кругу местных «пылких доброжелателей», получила звание «синего чулка». А потом она успокоилась. А еще через какое-то время в ее жизни появился Камыш, но это вовсе не означало, что из нее ушел Антон. Она продолжала любить его, причем чем больше она узнавала других людей, тем больше привязывалась к Гурьеву, вернее, к тому образу Гурьева, который у нее сохранился после недолгого счастья длиною в пятьдесят два дня. И вот теперь, попав в абсолютно схожую ситуацию с Камышом, она понимала, что ей нужно как можно скорее разрубить этот случайно завязавшийся узел, дабы не повторилась печальная история четырехлетней давности.

Но уйти в никуда она уже не могла. Потому-то и затеяла всю эту эпопею с наружкой, надеясь, что, оказавшись рядом с Антоном, сумеет его убедить, что по-прежнему любит его. И что она готова на все, а уж тем более на такой пустяк, как уход из конторы, дабы быть с ним рядом не пятьдесят два дня, а хотя бы... пятьдесят два года. Атам он может завести себе другую...

Но Гурьева у нее отняли. И теперь даже страшно было подумать, что она будет делать с тем жутким одиночеством, которое навалится на нее после того, как она бросит и наружку, и Камыша.

Два следующих дня Нестеров только и делал, что мотался по разным инстанциям, где то вместе со своим начальством, то без него «огребал и отдувался». За это время бригадир написал такое количество всевозможных рапортов, объяснений и докладных записок, что уже смутно помнил: что, где, кому, а главное, в каких выражениях он докладывал. Когда Нечаев в очередной раз заставил его писать докладную записку (на этот раз для инспекции по личному составу), Нестеров просто взвыл:

– Василь Петрович, ну сколько ж можно? Давай, что ли, я на компьютере одним пальцем раз и навсегда текст наколочу, а наша Лариска потом тебе распечатает хоть сто штук экземпляров, а? Ну не могу я больше! Кончится тем, что я точно кому-нибудь в рыло заеду. Сегодня сидят, понимаешь, такие зайчата в красивых костюмах и ласково так на мозги капают: а правда ли, что у вас, Александр Сергеевич, с «этим делом» проблемы были?... Ав день гибели Гурьева вы, часом, не злоупотребляли?... Понимаешь, куда клонят, суки?... Я за эти два дня уже так задолбался, что иногда думаю – лучше бы это меня вместо Антохи Ташкент по стенке размазал. И мне было бы легче, и он бы еще по белу свету походить успел.

– Никогда не говори так, Сергеич. Плохая эта примета – на себя показывать. Что же до всего остального, ты этот базар, знаешь, кончай: сами кашу заварили – сам и расхлебывай, нечего теперь здесь сопли жевать, – в свою очередь завелся Нечаев. – Ведь ничего ж выдающегося от вас не требовали – надо было просто исполнить приказание и оставить объекта. Ну уж куда проще, скажи ты мне? Так нет, у них, видите ли, свои амбиции, все в шпионов наиграться не могут... И что? Сейчас как? Наигрались? А теперь он мне заявляет, что замутился бумаги писать... Да ты, Саша, и одной трети не написал от того количества, которое мне за эти два дня сочинить пришлось. Ты едва ли не двадцать лет в разведке и до сих пор не знаешь, что именно в бумаге вся наша сила? На том стояли и на том стоять будем!.. А ты как хотел?.. Как без бумажек-то? Даже чтобы пойти посрать, и то бумажка нужна...

Нечаев говорил жестко, даже жестоко, но бригадир ему больше не перечил. Понимал, что все сказанное начальником – абсолютно по делу. Прав был старший, во всем прав. Обязательно должен был Нестеров пресечь ребячество Гурьева, а он, наоборот, сам повелся как пацан, подыграл – злость на объекте сорвать хотел. Вот и сорвали... Еще непонятно, останутся ли после всего этого в отделе Лямин и Козырев. Паша-то парень покрепче будет, главное, чтобы он поскорее выбросил из головы мысль, что Гурьев из-за него погиб, что это он, Козырев, должен был к машине Ташкента метнуться. «Нет, Паша, это не из-за тебя Антоха погиб, – сказал сам себе Нестеров. – Это только я, старый мудака, виноват». В этот вечер Нестеров отправился в какой-то невообразимый по степени загаженности шалман, заказал пузырь водки и без всяких закусовых прелюдий напился в хлам за упокой души грузчика Гурьева.

А на следующий день Антона хоронили. День был рабочим, поэтому у свежевырытой могилы на окраинном и очень непрестижном участке Южного кладбища народу собралось не слишком много. Из родных Гурьева приехала только мать. Тетка, которой было уже за семьдесят, узнав о смерти племянника, слегла с больным сердцем, и врачи категорически запретили ей ехать в Питер, тем более по такому поводу. Серьезная девушка Тамара на похоронах также не появилась: мать Антона звонила ей накануне (у той в квартире оставались какие-то личные вещи Гурьева) и выяснила, что именно сегодня состоится последнее летнее заседание в городском парламенте и отпроситься с него у Тамары нет никакой возможности. У них там, оказывается, все очень строго.

Обряда отпевания, равно как почетного караула и прощального салюта из карабинов, не было. Дорогое это удовольствие, да и не дослужился покойный капитан милиции Гурьев до подобного шика. Размышляя об этом, Нестеров автоматически отметил, что когда настанет его черед, то бухгалтерия, руководствуясь специальными на сей счет инструкциями, должна будет раскошелиться на несколько большую сумму. Все ж таки подполковник, а значит, красную бархатную подушечку под голову государство должно ему обеспечить. Нестерову вдруг припомнился разговор двух теток, который он пару лет назад невольно подслушал в вагоне метро. Тогда одна, с лицом, светящимся от счастья, говорила другой: «Дослужился мой-то, Николаша, до майора – вчера приказ подписали!» И, заметив, что вторая тетка как-то не слишком адекватно реагирует на это судьбоносное в жизни ее подруги событие, гордо добавила: «Теперь, случись что, и хоронить будут с почестями!»

Кроме своих из наружки на похороны Антона приехали «механики» из гаража, несколько женщин из бухгалтерии и ребята из отдела установки. В том числе Полина Ольховская. Впрочем, формально она уже считалась своей, поскольку вчера официально состоялся ее перевод в отдел Нечаева. Руководство Управления было представлено Конкиным, Фадеевым и верховным кадровиком с абсолютно опушной фамилией Хвостов. Правда, на этом связь Хвостова с разведкой исчерпывалась: выходец из пожарной службы, Пал Палыч Хвостов был образчиком некомпетентности в плане оперативной работы и образцом профессионализма в работе организационно-массовой. К сожалению, в случае с Пал Палы-

чем правило «минус на минус дает плюс» не срабатывало. Вместе с Хвостовым приехал и его заместитель Шлемин. Этот был из той породы людей, о которых британец Тейлор⁴² когда-то написал: «Начитанный дурак – самая докучливая разновидность дурака». Именно Шлемин, выступая на гражданской панихиде, умудрился вернуть в свою скорбную в соответствии с моментом речь назидательный пассаж о том, что смерть Гурьева, де, должна послужить хорошим уроком молодым сотрудникам, которые обязаны сделать соответствующие выводы о необходимости оттачивания профессионального мастерства. Дабы этот печальный опыт стал в нашем управлении первым и последним. Слушая этого молодого напыщенного павлина, Нестеров дал себе зарок при первом удобном случае начистить ему физиономию. Словом, отдел кадров на последних проводах Гурьева был представлен во всей красе.

Помимо морды в будущем, Нестеров решил ответить немедленно и не только Шлемину, а всем шлеминым разом. Впрочем, у него хватило сил сдержаться и не перейти на личности.

– Я вот что скажу... – начал Нестеров, – скажу, как чувствую... Есть офицеры, которые хорошо служат – об иных что вспоминать! Есть те, кто служит отлично. Но часто они тянут лямку. – Здесь Нестеров внутренне осекся, так как увидел глаза Лямина и подумал, что Ваня услышит в этом некий завуалированный укор. – Так вот, Антон не тянул лямку, а сражался. Сражаться в наше время – это не значит вставать во весь рост из окопа. Ну не было возможности у Антона быть в окопе среди солдат. Но большинство здесь, за исключением посторонних... – слово «посторонние» он произнес так, что все поняли, что этот пассаж в первую очередь адресован Шлемину, – ... знают, что Антон знал, что такое окоп. Извините, я говорю сбивчиво, но свои меня понимают... Так вот жить настоящей жизнью и сражаться – это одно и то же. Я это знал всегда и говорю это не для похорон. Антон жил, а не существовал... Почему его нет? Потому что жизнь закончилась. И погиб он, не изменяя себе... И лучше прожить такую вот неполную жизнь, чем до заслуженных пенсий некоторых. Я его помнить буду всегда. А когда вспоминать – улыбаться со слезой. И я не одинок. Дай бог многим такие чувства о них после смерти. Вот такие, братцы, будут мои слова.

Когда Нестеров говорил, стояла полная, полнейшая тишина. Тишина уважения к правильности и искренности слов бригадира.

Все это время рядом с матерью Гурьева неотступно находился Игорь Ладонин. И хотя Нестеров раньше никогда его не видел, одного лишь беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – это он, единственный настоящий Антохин друг, о котором Гурьев рассказывал редко, но всегда с неподдельной теплотой в голосе. Эта, завязавшаяся еще с детсадовских времен, дружба всегда служила источником повышенного раздражения у руководства службы собственной безопасности ОПУ. И даже не потому, что Игорь Михайлович Ладонин был удачливым бизнесменом, вице-президентом одной из крупнейших питерских корпораций, а потому что приходился он младшим братом знаменитому Ладоге, который перестал доставлять головную боль местным правоохранителям лишь в 1999 году, когда стал жертвой так и не установленного киллера.

А вот как раз-таки за Ладогой Нестерову однажды походить довелось. Случилось это году в 89-м, когда и Ладонину-младшему, и соответственно Антохе Гурьеву было всего-то по пятнадцать годков. Уделал его тогда Ладога, надо признать, легко и со вкусом. В первый же день, срубив хвост, он элементарно «растацил» смены. То есть сначала подошел на улице к одному незнакомому мужику, поздоровался с ним за руку, спросил, во сколько вчера разошлись последние гости. Извинился, что обознался, пошел дальше. По схожей схеме сработал еще минут через двадцать. Наружка отфиксировала эти контакты и, понятное дело, решила проследить за мужиками – заказчика очень интересовали связи Ладоги. За вто-

⁴² Джереми Тейлор – английский религиозный деятель и писатель.

рым мужиком как раз и отправился Нестеров, а тот, как назло, потащился на Финляндский вокзал и сел в электричку. Короче, укатил тогда Нестеров ажно в Сестрорецк, адрес срубил без проблем, списав это на свой недюжинный профессионализм, и лишь через несколько дней узнал, что Ладога таким вот нехитрым способом их кинул: распылил силы двух сменных экипажей, а затем ушел от оставшихся грузчиков проходными дворами.

Речи были сказаны, положенные в таких случаях сто грамм выпиты, а на том месте, где еще час назад была яма, образовался невысокий земляной холм с воткнутой в него временной деревянной табличкой с надписью «Антон Николаевич Гурьев, 1974–2004 гг. Трагически погиб». Небесная канцелярия завизировала рапорт оперативного водителя наружки капитана милиции Гурьева и отправила его на вечный дембель. Не оставил он после себя ни безутешной вдовы, ни ревущих сопливых ребятишек – не успел, не отпущено ему было. Аза грехи ли это, либо за заслуги особые, нашему пониманию неведомые, – кто ж это знает? Как в народе говорят, «не бывал я там и не знаю, как там дверь отворяется».

Разведчики молча потянулись на выход, к автобусу. Нестеров еще немного постоял в одиночестве, после чего двинулся вслед за остальными. В этот момент кроме него у могилы оставались лишь двое – мать Гурьева и Ладонин. Впрочем, нет, только сейчас наметанным глазом Нестеров успел срисовать еще двух крепких парней, которые неторопливо прохаживались в отдалении и внимательно следили за происходящим. «Охранники ладонинские. Да, видать, серьезный товарищ», – догадался бригадир. Он подошел к Татьяне Ивановне, молча обнял ее, пробормотал какую-то чушь типа «крепитесь, мы с вами». Потом добавил что-то еще, кажется, про помощь, которая, если таковая понадобится, обязательно от них придет, повернулся, чтобы уйти, но Татьяна Ивановна придержала его за рукав и тихо спросила:

– Скажите, ведь вы были в тот день вместе с Антошей?

Нестеров кивнул, и тогда она тихо продолжила:

– Мне сказали, что это был несчастный случай. Скажите, это правда?

Нестеров снова кивнул и, чуть помедлив, ответил:

– Да, Татьяна Ивановна, это был несчастный случай. Дикий, нелепый...

Она перебила его:

– Неужели совсем ничего нельзя было сделать?

– Нет... Простите нас, Татьяна Ивановна. Простите, если сможете, – с этими словами он мягко высвободил руку и, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, быстрым шагом направился к автобусу. Смотреть в глаза этой несчастной, в одночасье высохшей от горя седой женщине он был не в состоянии.

Через минуту его нагнал Ладонин:

– Александр Сергеевич?

– Слушаю тебя, Игорь.

– Разве мы знакомы?

– Нет, но Антон мне в свое время про тебя рассказывал, – ответил Нестеров.

– Мне про тебя он тоже говорил, хотя, я знаю, у вас это не поощряется... Ну да сейчас не об этом. Александр Сергеевич... Кстати, ничего что я на «ты»?

– Да за ради бога...

– Ты действительно уверен в том, что гибель Антона – это несчастный случай?

– Нет. Это было убийство.

– Есть доказательства, или это исключительно интуитивные соображения?

– Скорее второе, – усмехнулся Нестеров. – Но, к сожалению, в нашей системе в расчет они не принимаются.

– А ты не мог бы поделиться со мной этими своими соображениями? Пойми меня правильно, я вовсе не прошу сливать какую-то конфиденциальную служебную информацию...

– Да перестань ты, – перебил его Нестеров. – Какое тут к черту «сливать»?.. Я готов поговорить, вот только где? Сейчас меня уже ждут. Вон там, видишь, наш автобус. Мы собираемся поехать помянуть Антона, так что если есть желание, можем поехать вместе.

– Не уверен, что это будет лучший вариант, – ответил Ладонин. – К тому же я должен отвезти Татьяну Ивановну обратно в Лугу. У нее там осталась больная сестра, и в нынешнем состоянии ей бы не хотелось надолго оставлять ее одну... Поэтому давай лучше сделаем так. Вот моя визитка, здесь адрес и телефон центрального офиса, если будет такая возможность, то подъезжай завтра, часиков, скажем, в одиннадцать... Да, если тебе по служебным причинам нецелесообразно посещать мой офис, то мы можем встретиться где-нибудь на нейтральной территории, например в кафе...

– Я, Игорь, слава богу, нахожусь в том возрасте, когда могу самостоятельно оценивать целесообразность собственных поступков... И, кстати, не надо преувеличивать возможности нашей конторы.

– Мой брат меня учил, что всегда лучше переоценить возможности противника, чем недооценить их.

– Насколько я знаю, в подлиннике эта фраза звучит как: «Лучше перебздеть, чем недобздеть». Однако в данном случае есть одно маленькое «но» – я тебе не противник... Хорошо, на том и порешим – у тебя, завтра в одиннадцать.

Ладонин кивнул, они пожали друг другу руки и разошлись. Первый шаг к заключению тайного союза был сделан.

Для поминок Антона сняли небольшой зальчик в относительно недорогом заведении на Загородном с символическим опушным названием «От заката до рассвета». Как всегда в таких случаях, было очень мало закуски, но очень много водки. Времена изменились. Это раньше родина заботилась о своих офицерах и платила им достаточно много для того, чтобы они не умерли с голоду, и достаточно мало, чтобы они не спились. Теперь же офицерской зарплаты хватало исключительно на выпивку, а денег на жратву, как правило, уже не оставалось.

Раньше всех остальных напился Ваня Лямин. Он вообще был малосведущ в питейных делах, а тут еще сыграла роль и сама обстановка – давящая и мрачная. За каких-то полчаса Ваня выпил грамм сто пятьдесят и вкупе с ранее употребленным на кладбище дошел до состояния невменяемости. После чего он быстренько уснул, положив голову на стол. (Благо салатов заказано не было, а то получилось бы исключительно классически.)

А Паше Козыреву, наоборот, очень хотелось, но никак не удавалось захмелеть. Водка шла как вода, и желаемого эффекта «погружения в забытие» не достигалось. За длинным общим столом напротив него, в окружении теток из установки, сидела Полина. Павел смотрел на нее и размышлял о том, что мистическое начало в нашей жизни, наверное, все-таки присутствует. Ведь в том самом своем недавнем сне он видел именно ее, хотя тогда и предположить не мог, что Полина будет работать в их экипаже. Все в этом сне сложилось одно к одному: офицер, похожий на Гурьева, Козырев, Полина, Ташкент... Воспоминание о последнем заставило Козырева вздрогнуть. Он взял в руку столовый нож и подумал о том, что, доведись ему когда-нибудь встретить Ташкента, он не стал бы медлить, а просто ударил бы его этим самым ножом. «Нож, ну на фиг я тогда взял с собой нож? – с тоской прошептал Козырев. – Не скажи Лямин Антону, что у меня есть нож, он сегодня был бы жив». Вот вам и еще одно мистическое совпадение – Паша в последнее время никогда не носил с собой ножа. Пару лет назад к нему на улице прицепились менты и при личном досмотре нашли у него выкидуху, которую армейский товарищ подарил ему на День пограничника.

Тогда, чтобы отмазаться, Козыреву пришлось отдать пэпээсникам всю свою наличность – около трехсот рублей. С тех пор он зарекся носить при себе что-либо острее ключей, однако именно в тот роковой день нож с собою взял – надоело питаться во время службы одними бутербродами, поэтому Паша с утра швырнул в сумку банку шпрот и ножик, которым эту банку можно было открыть. «Это из-за меня, из-за меня Антон погиб», – в который уже по счету раз занялся самоедством Павел и решительно налил себе еще один стакан. Рядом с ним мирно сопел Ваня Лямин. Пожалуй, среди всех присутствующих ему одному сейчас было относительно хорошо.

Через пару минут Полина, которая все это время сидела с отрешенным лицом и фактически не принимала участие в разговорах, порылась в своей сумочке, выудила из нее сигареты и направились в курилку. Козырев собрался было последовать за ней, но его опередили. Из-за стола поднялся кадровик Шлемин и, немного пошатываясь, потащился туда же, на ходу вынимая из кармана изрядно помятую пачку «Парламента». Такие сигареты во всем управлении могли позволить себе только кадровики. Почему? А бог их знает, почему. Тоже, наверное, что-то связанное с мистикой. Как бы там ни было, огорченный такой прытью, Козырев остался сидеть на месте.

Ольховская не собиралась ехать на поминки, да девки уговорили. И теперь она ругала себя за то, что послушалась, – никто не нужен был Полине сейчас, да и здесь, среди малознакомых ей мужиков из наружки, она чувствовала себя чужой. Правда, на кладбище пытался с ней заговорить новый старший – Нестеров, спрашивал ее о чем-то, в том числе и про Гурьева (неужели что-то знает про них?). Однако там, на кладбище, Полина снова была близка к полубоморочному состоянию, а потому отвечала Нестерову односложно, а несколько раз, как ей потом вспоминалось, кажется, еще и дерзко. «Все, надо ехать домой, – подумала она, щелкая зажигалкой. – Вот сейчас покурю, успокоюсь немного и поеду». Но успокоиться ей не дали. В курилку вкатился пьяненький Шлемин, смачно икнул, попросил «пардона» и плюхнулся рядом с ней.

– Вы позволите, Полиночка, присесть рядом с вами?

– А зачем вы спрашиваете, Олег Петрович, если вы уже и так присели? – неприветливым тоном сказала Полина, надеясь, что Шлемин поймет ее состояние и отвалит. Однако тот не отвалил:

– Ну зачем вы так, Полиночка? Какой же я вам «Петрович»? Если мне не изменяет память, у нас с вами разница в возрасте всего два года, так что для вас я – Олег.

– Ваша осведомленность, Олег Петрович, заслуживает самого искреннего восхищения...

– Ну вот, опять – «Петрович», – Шлемин сделал вид, что обиделся. – А что касается моей осведомленности, то это вполне естественно – работа у меня такая.

– Да? И о чем же вы еще, позвольте узнать, осведомлены?

– О многом, Полиночка, о многом. Например, я знаю, где вы родились, где учились, кто ваши родители – это из общей части вашего личного дела. А есть ее часть особая, секретная, так что если хотите, могу как-нибудь на досуге с вами посекретничать... Единственное, о чем я не осведомлен, так это о том, что вы, Полиночка, делаете в этой дыре с громким, но не более того, названием «Оперативно-поисковое управление»?

– А вы сами в ней что делаете?

– Вообще-то, если между нами, конечно, – доверительно подмигнул ей Шлемин, – я здесь долго не задержусь. А во-вторых, я-то, по крайней мере, служу не где-нибудь, а в кадрах. А кадры, как вам известно, Полиночка, решают все.

– И что же они, к примеру, могут решить?

– Я ж вам и толкую, Полюшечка, все: кого казнить – кого помиловать, кого повесить – кого понизить. Кому Гималаи, а кому – геморрой.

– Да вы просто страшный человек, Олег Петрович! Прямо вершитель судеб людских, – насмешливо сказала Полина.

– Вот вы иронизируете, Полюшечка, – вздохнул Шлемин и, словно забывшись, опустил руку на ее колено, – а я, между прочим, действительно мог бы поспособствовать вашему переводу в более приличное место. Например в штаб, или к нам, в кадры. У нас сейчас как раз вакантное местечко наклеивается... Вот объясните мне, пожалуйста, на кой ляд вам эти заморочки с наружкой? Бессонные ночи, вечно на ногах, холод, жара. А контингент какой? Алкоголики, матерщинники, люди без высшего образования. Плюс сопляки, навроде того, что сейчас в зале за столом уснул. Тот даже водку пить не умеет. А этот, бригадир ваш новый, Нестеров...

– А что Нестеров?

– Почти двадцать лет в наружке, подполковника умудрился получить. Да он бы уже давно мог на месте того же Фадеева быть, а сам, стыдно кому сказать, до сих пор в старших смены ходит. Вот потому я вам и советую, Полюшечка, бегите оттуда. Это же болото, оно и вас затянет, если вы сейчас не одумаетесь... К тому же теперь, как я понимаю, вам все равно уже нет резона в наружке служить.

– Что вы имеете в виду? – вызывающе спросила Полина, начиная догадываться, что имел в виду Шлемин, говоря об особой части ее личного дела.

– Да что имею, то и введу, – скабрёзно хохотнул Шлемин, заговорщицки подмигнул ей и, наклонившись к ее уху, прошептал: – Гурьева-то нет больше, значит, в Сибирь вроде как и ехать не за кем, а, декабристка вы наша?

– А не пошли бы вы, Олег Петрович, на хуй! – тщательно подбирая слова, вполголоса произнесла Ольховская и залепила ему увесистую пощечину. «Ах, ты...» – подскочил как ошпаренный Шлемин, однако закончить фразу не успел – в курилку вошел-таки терзаемый сомнениями Паша Козырев. Полина тут же обернулась к нему: «Паша, ты не мог бы меня проводить до метро? А то я этот район плохо знаю». (Ольховская, конечно же, лукавила. За пять лет службы в разведке она превосходно изучила город, а уж этот район особенно, поскольку он входил в зону ее ответственности. Но женское чутье ей подсказало, что Козырев на такое ее предложение обязательно согласится.) И она не ошиблась.

– Я только сумку свою заберу и пойдем, хорошо? – обрадовался Паша и метнулся в зал.

– Хорошо, я тебя на улице подожду, – ответила Полина и повернулась к Шлемину: – До свидания, Олег Петрович, спасибо вам за содержательную беседу.

– До свидания, – злобно буркнул кадровик и, потирая покрасневшую щеку, ретировался за стол.

Окрыленный оказанным ему доверием Паша вернулся в зал, нашел там Нестерова и сообщил, что уезжает.

– Это правильно. Давай, Пашка, действительно, поздно уже. Завтра работаем с двух часов, так что смотри, чтоб в форме был, – попрощался старший и, спохватившись, добавил: – Да, и вот что еще. Ты давай-ка Лямина с собой забирай, нечего ему тут разлеживаться – народ смешить. А то он завтра и к обеду не оклемается.

Козырев попытался было возразить, мол, нам же с ним в разные стороны ехать, но Нестеров недовольно его оборвал:

– И что ты предлагаешь? Мне его на себе потом переть? Или дежурную развозку для него организовать? Иди, попроси Нечаева, раз ты такой умный, может, он тебе и не откажет.

Паша обреченно вздохнул, подошел к Лямину, встряхнул его пару раз (эффект нулевой) и чуть ли не волоком потащил к выходу. Тот, скорее на автопилоте, нежели осознанно, засеменил ногами, еще более осложняя Козыреву процесс транспортировки.

Завидев эту сладкую парочку, Полина не могла удержаться от смеха.

– Да, хороши. Похоже, это мне вас надо провожать до метро. Впрочем, в таком состоянии в метро вас не пустят, это точно.

Паша виновато улыбнулся, хотя на душе в этот момент скребли здоровенные кошки: «Надо же, такой случай, а этот гаденыш Лямка взял и нажрался. И ведь не оставишь его здесь – и правда, менты заберут».

– Ладно, делать нечего, придется машину ловить, – сказала Полина.

«Вот черт, у меня и денег до Светлановского не хватит, а потом еще надо как-то до дома добраться», – подумал Паша, однако эта проблема решилась сама собой. Остановленный Полиной частник категорически отказывался везти Лямина на север, не без оснований опасаясь за чистоту своего салона.

– Ну хотя бы до Лиговки добросьте, здесь езды-то всего пять минут, – попросил Козырев, приняв решение везти Ваню к себе. Совместными усилиями водилу удалось уговорить, и они действительно за пять минут долетели до Обводного канала. Здесь пути Ольховской и Козырева окончательно разошлись: Полину частник повез домой на Петроградку, а Паша, взгромоздив на себя близкое к бездыханному тело Лямина, поперся к себе в коммуналку.

Он еле успел. Едва Козырев закрыл входную дверь, как Ваня ощутил жуткую потребность посетить уборную. В течение десяти минут его выворачивало наизнанку, а поскольку снайперскими качествами Лямин никогда не блистал, то после его визита уборная в соответствии со своим названием потребовала уборки. Паша уложил Лямку на диван и кинулся замыывать следы преступления, благо время было уже позднее и соседи в эту пору означенным заведением пользовались редко. За этим делом его и застала Михалева, которая, как обычно, полуночничала.

– Ого, господа офицеры изволили хорошо погулять? – поинтересовалась она, проходя на кухню с чайником в руках. – Помощь не требуется?

– Нет, Людмила Васильевна, спасибо.

– Ну, тогда закончишь – заходи ко мне, я тебя чаем угощу с бергамотом. При этих делах, говорят, здорово помогает.

Через двадцать минут Козырев уже сидел в комнате Михалевой. Людмила Васильевна была в курсе несчастья, которое произошло с его коллегой, а потому, видя состояние Павла, не докучала ему разговорами, как это обычно у них происходило. Первым молчание нарушил сам Козырев:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.